



НАТАЛИЯ ВИКО

ЗАЗЕРКАЛЪЕ

записки психиатра

Наталья Юрьевна Вико
Зазеркалье. Записки психиатра
Серия «Любовь на все времена»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64649077

Зазеркалье. Записки психиатра: Издательство АСТ; Москва; 2021

ISBN 978-5-17-135861-7

Аннотация

Реальность и мистика. Они пронизывают жизнь человека независимо от его желания либо нежелания признавать это. Всегда существует другая дверь, которую можно открыть или пройти мимо. Психиатра Александру захватило научное исследование психоза, называемого египтопатией. Чтобы разобраться во всем досконально, она летит в Египет. Путешествие Александры в страну солнца должно было ответить на вопросы, возникшие в ходе ее научного исследования. А на самом деле открыло параллельную реальность, наполненную множеством смыслов и загадок.

Вы смогли бы провести ночь в каменном пространстве Великой пирамиды? А автор смогла. Да-да, это не оговорка, Александра – альтер эго автора. И, все, что происходило в заснеженной Москве, солнечном Египте и подземном Париже, – это не вымысел, а реальность, в том числе наша обыденная – жесткая, грустная и смешная.

Наталия Вико – прототип героини этого полифонического романа, и все эти события происходили на самом деле.

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Наталия Вико

Зазеркалье.

Записки психиатра

© Текст. Наталия Вико, 2021

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021

* * *

*Ты мою шизофрению уж пожалуйста не трогай
ведь моя шизофрения паранойе не чета
я ведь сам ее лелеял я иду своей дорогой
ты ступай в свои пределы оскверняй свои
места...*

Бронислав Виноградский

Глава 1

«Стоит пирамида. Внутри нее камеры. И гроб. Слева, в большой комнате. Размер гроба – точно – метр семьдесят пять на метр. И весь он золотой. Прошу вас, уважаемое телевидение и лично телеведущий Швыдкой, отправить меня в Египет для непосредственной работы в гробу с последующим возможным обогащением родного нашего государства, которое совсем вконец разорили Чубайс и его приятель Греф».

«Ну кто же еще?» – усмехнулась Александра и перевернула ксерокопированную страницу из истории болезни.

«Каждый год Учитель велит исполнять возложенную на меня миссию – возвращать энергию пирамиде Хеопса. Там бывает тысяча тысяч посетителей, и ее тоже надо восстанавливать. Наша группа посещает пирамиду, и в результате проводимых нами ритуалов по граням пирамиды образовывается энергетическое кольцо, она начинает вибрировать, и от нее идут круги энергии во все стороны. Мы работаем через благословение великого «молчащего сердцем» – Осириса. Наш Иерарх носит имя, связанное с буквами НФР, а это не что иное, как одно из многочисленных имен Осириса. У Учителя есть привычка – отмечать именины не по имени, а по своей фамилии, так как она образована от имени. Вчера как раз были эти именины, но он почему-то уехал из Моск-

ВЫ...»

– Та-ак... НФР... Запись от тринадцатого июня, – Александра выдвинула нижний, «мусорный», как она называла, ящик письменного стола и, покопавшись в грудe старых бумаг и давних поздравительных открыток, которые вроде и не нужны совсем, а выбросить рука не поднимается, извлекла брошюрку под названием «Имена и именины» и начала перелистывать страницы. – Таким образом, именины «Учителя» двенадцатого. Имя связано с буквами НФР. По согласным похоже на... – пробежала глазами по странице, – на... Онуфрий. Ага, вот и он, святой Онуфрий, в переводе с древнеегипетского – «постоянно находящийся в состоянии благодати», – прочитала она. – Бывают же счастливые люди! – Александра откинулась на спинку кресла и с наслаждением потянулась, испытывая к Онуфрию почти родственные чувства, потому что и сама наслаждалась СВОБОДОЙ! Да-да, именно так – прописными буквами. Впору вешать на входную дверь табличку: «Жизнь удалась!». Уже третий день нежно любимый с детства будильник отдыхал. Как кошмарный сон вспоминались автомобильные заправки на реках и ручейках московских улиц по дороге на работу. А жалкая пара свободных часов перед сном, когда не знаешь, за что схватиться в домашнем хозяйстве? Все в прошлом! Очередной отпуск, приплюсованный к не полностью использованным отпускам за предыдущие годы, давал возможность не только прийти в себя после монотонного бега от выходных

до выходных, но и завершить написание монографии. Тем более что исследование эндогенных психозов, связанных с Древним Египтом, попросту говоря – «египтопатии», ее захватило. Тема была не только интересной, но и забавной, если вообще можно назвать темой изучение шизофренического бреда.

Переворотив кучу исторических источников и литературы, Александра смогла выяснить, что первые психозы на почве Древнего Египта появились еще в начале девятнадцатого столетия, вскоре после египетского похода Наполеона, и повторялись с определенной периодичностью, всякий раз охватывая все большее количество людей. Проявлялись почти одинаково: личность больных расслаивалась, и они начинали отождествлять себя с древнеегипетскими богами и богинями, фараонами и царицами. Женщины в двадцатом веке предпочитали Клеопатру. Да и как иначе? Кто бы даже из практически здоровых дам отказался быть похожим на красавицу Элизабет Тейлор? У больных пользовались спросом также жрецы, жрицы, военачальники, на худой конец, архитекторы, но – никогда простые строители пирамид, горшечники или землепашцы. «Египтопаты» создавали тайные группы и общества, объединяясь по принципу своей причастности в прошлых жизнях к древнеегипетской цивилизации; собирались вместе и совершали таинственные обряды, которые называли мистериями, и тем самым, вероятно, готовили себя к будущей встрече со своим прежним «я». А в

конце девятнадцатого века несколько сотен человек, одетых в белые одежды, прибыли к подножию Великой пирамиды и дружно покончили с собой.

«Скорее всего, жизнь у них просто не удалась и собственный социальный статус их не устраивал, – предположила Александра, хотя так и не смогла понять, как «перевоплощенные» делили между собой должности в династиях. – Не иначе как жребий бросали».

Истории с самоубийствами повторялись и в последующем столетии.

«Кстати, – Александра отложила брошюру, – интересно было бы познакомиться с этим НФР. Посмотреть его в деле, в полевых, так сказать, условиях. Во всей шизофренической красоте, – с усмешкой подумала она. – Хотя не исключено, что он просто мошенник. Ищет простаков и тянет деньги».

«Ку-ку, ку-ку, ку-ку...» – выскочив из резного домика над старинными ходиками, охрипшим голосом напомнила о времени неутомимая кукушка.

«О господи! Уже двенадцать! Пора ехать в родную психушку», – заторопилась Александра, закрыла папку с документами и по привычке убрала ее в ящик стола.

* * *

Глухая ограда с колючей проволокой, увитой по-осеннему нарядными листьями дикого винограда, скрывала двух-

этажный особняк с обшарпанными усадебными колоннами, неосмотрительно сооруженный как раз к 1917 году беспечным купцом-миллионщиком, сгинувшим вскоре в лихолетье смуты и Гражданской войны. Свежее граффити, сделанное уличным художником-шутником на глухой стене неподалеку от проходной, изображало молодца в белом халате, который со словами: «Вы все еще кипятитесь? Тогда мы идем к вам!» – пеленал девушку в смирительную рубашку испуганную девушку. Хмурый охранник, заведев «отпадную докторшу», попробовал было улыбнуться, но не смог преодолеть монументальность образа, а может, и смог, но только после того, как та прошла мимо. Александра направилась к зданию лечебницы, наблюдая ставшую привычной за годы работы картину: по асфальтированной дорожке, покрытой россыпью сезонных морщин, под сенью сомкнувших ветви-руки старых лип прогуливались и сидели на скамейках больные, похожие на пришельцев из иных миров, заплутавших в глубинах собственного подсознания и оказавшихся чужими в земных зарослях сознания бытового.

– Нет. Я тебе так скажу, – мужчина с метлой в руках, расположившийся на скамейке неподалеку от пропускного пункта, разговаривал с видимым только ему собеседником, – при осмысливании всякого смысла у мыслящего мыслями мыслителя рождаются мысли, осмысливающие смысл смысла, – он запнулся, провожая раздосадованным взглядом Александру, наморщил лоб, собрал в стайку разлетевшиеся

было мысли и пояснил: – В смысле смысла.

Очевидно, невидимый собеседник согласился со столь убедительным высказыванием, отчего лицо философа озарилось по-детски счастливой улыбкой.

Александра подошла к зданию лечебницы, но заходить внутрь не стала, увидев, что из распахнувшегося на втором этаже окна ей энергично машет рукой Вадим, давний приятель и неугомонный поклонник, а в рабочее время – главный врач и начальник.

– Сандра Юрьевна, дорогая, привет! – Лицо Вадима светилось неподдельной радостью. – Счастлив видеть будущую звезду мировой психиатрии! Поднимешься ко мне или как?

– Или как, Вадюша, – сказала она независимым тоном отпускницы, напрочь забывшей о служебной иерархии.

– Да ты не беспокойся, Сандручка, – пряча улыбку, легко согласился тот с ее нынешним статусом, – к нам сюда независимым исследователям вход всегда свободный!

– Я слышала, у вас тут с выходом проблемы? – включившись в игру, изобразила она озабоченность на лице.

– Врут, все врут, негодяи! Клевещут нагло, без зазрения совести! – с почти искренним возмущением воскликнул Вадим. – Сама же знаешь, у нас тут самое свободное место во всей стране! Может, все-таки желаешь проверить? – Жестом радушного хозяина попытался снова заманить гостью.

– Не-е-ет, товарищ самый главный врач! – расплылась Александра в улыбке, достойной рекламного щита зубной

пасты. – Лучше вы к нам! Да не упрямитесь, выходите! Последние теплые деньки на дворе! Осень золотая!

– Ну ладно, как скажешь, дорогая! – весело согласился Вадим. – Подождешь меня минуток пять, не убежишь? А то, может, пару санитаров приставить? – в раздумье, будто и не к ней обращаясь, нарочно громко сказал он.

– А кто сегодня дежурит? Случайно, не Петрович?

– Он, он родимый, любимец твой. Коли узнает, что ты здесь, незамедлительно примчится. А от него, сама знаешь, пощады не жди! Заговорит насмерть! – Вадим исчез в глубине оконного проема.

Александра расположилась на скамейке неподалеку от дверей лечебного корпуса, достала из замшевой сумочки темные очки, протерла стекла краем обкрученного вокруг шеи шелкового платка и откинула голову, подставив лицо все еще горячим солнечным лучам...

– Слушай, как думаешь, может, все-таки водрузить статую Свободы на площадке перед входом? – услышала она голос Вадима, который, неслышно подойдя сзади, положил руку ей на плечо. – «Бартольди» собственный у нас уже имеется. Настойчиво предлагает свои услуги.

– Что, новый пациент? – Александра запрокинула голову, чтобы увидеть собеседника, и была незамедлительно награждена быстрым поцелуем в лоб.

– Ага, – ответил Вадим, обошел скамейку и встал напротив гостьи. – Я бы, конечно, не возражал, если бы то же самое

место «Бонапарт» не ангажировал, чтобы в газетной треуголке в величественной позе выстаивать. Потом еще «Нерон», – он озабоченно наморщил лоб, – да, кстати, и «король-солнце Людовик XIV» на это же место претендует. Беспокоюсь, не случилось бы войны.

– А ты собери их вместе за столом переговоров, пусть выкурят трубку мира, – предложила Александра, изобразив озабоченность на лице.

– Если только с травкой, – хмыкнул Вадим. – Другая их не умиротворит.

– А что же ты хочешь? С гениями работаешь!

– Да уж! – важно согласился Вадим. – Сама знаешь, лучшие умы собираем. Свободных мест уже нет. В связи с осенним обострением. Прием только по предварительной записи. Держи свои выписки из архива, – с торжественным видом протянул он папку с тесемками, завязанными бантиком. – Полдня ксерил!

– Ой, спасибо, Вадюшенька, век не забуду твоей доброты, – Александра достала из сумочки предусмотрительно захваченный пакет и опустила туда документы.

– А ты, Сандрочка, гляжу, совсем обленилась на вольных хлебах. Подняться на второй этаж ей тяжело! – сказал Вадим с укоризной.

– И пришлось бедному старому Вадиму с тяжелой папкой в руках самому ковылять к своей горе! – хмыкнула она.

– Во-первых, не старому еще! – делано возмутился тот,

выпячивая грудь. – А во-вторых, не ковылять, а спуститься! С высот руководящего поста, между прочим, – нахмутив брови, он изобразил начальственную строгость. – Превозмогая накопившуюся усталость. Присесть, что ли? – спросил, уже откидывая назад полы белоснежного халата и опускаясь на скамейку. – А нас, мужчин-руководителей, беречь ой как надо! – скосил глаза на Александру, проверяя, находит ли призыв понимание, и, не обнаружив такового, продолжил: – Бедных особенно. Работа нервная, соблазнов полная. Все так и норовят предложить что-нибудь противоправное! Так и норовят!

Александра сочувственно закивала.

– Сама ведь знаешь, – Вадим наклонился к собеседнице, – наша психушная справка покруче всякой ксивы будет. Вытворяй чего хочешь! Да-а, – он откинулся на спинку скамейки и заложил руки за голову, – порой так хочется отдаться во власть пороку! – В его голосе зазвучали мечтательные нотки. – Злоупотребить полномочиями и коррумпироваться! Чтоб потом на работу на «мерине» или «бэхе» с открытым верхом...

– С открытым верхом – это да! Это класс! – немедленно согласилась Александра. – Особенно в московском климате. Хоть зимой, хоть осенью, хоть весной. Да и летом нормально. Шикарная пепельница на колесах! Для водителей грузовиков, которые с высоты кабин плюют на дорогу, а заодно и на предупреждения Минздрава.

– Ох, Сандра! – Вадим изобразил вселенскую скорбь на лице. – Ну что ты за человек? Светлую мечту о материальных благах вот так безжалостно... – Он махнул рукой. – Тебе, конечно, хорошо на новой «авдотье»... – пауза была нужна только для того, чтобы придать лицу невинное выражение, – ...совершенно случайно выигранной в казино... – следующая пауза позволила ему смущенно потупить голову, – ...в котором Кузин приятель – хозяин.

Лицо Александры вспыхнуло от возмущения.

С Алексеем Кузнецовым, по-домашнему – Кузей, высокопоставленным государственным чиновником, в прошлом вполне удачливым бизнесменом, а в еще более далеком прошлом одноклассником Вадима, она познакомилась в январе на дне рождения Вадима, куда школьный друг, оторвавшись от неотложных дел и ответственных мероприятий, заехал на минутку «поздравить старичка, умудрившегося родиться в Татьянин день, который, как известно, не только день студентов, но и день рождения Володи Высоцкого», но почему-то остался до глубокой ночи и, демонстрируя чудеса галантности, добровольно вызвался подвезти ее домой за город в дачный поселок. Предложение оказалось весьма кстати – ее «девятка», видимо, решила заночевать во дворе у новорожденного и, простуженно чихая и кашляя, категорически отказалась заводиться на морозе.

Новый поклонник, вальяжный, осанистый, солидный не по годам, одетый с иголочки, а главное, обладавший потряса-

ющим рокоchущим басом, вначале показался немного назойливым, но потом слово «назойливость» под напором стильных букетов и милых сердцу каждой женщины дорогих безделушек трансформировалось в более приемлемое «настойчивость» – свойство, вполне достойное мужчины. По словам Вадима, школьный друг всегда был примером правильного поведения и образцом для подражания. Его зычный голос, особенно когда в старших классах Кузе доводилось декламировать стихи Маяковского, приводил в оцепенение молоденькую учительницу литературы, которая, прижав к лицу ладошки, замирала и таяла от умиления прямо на глазах. Разве что автограф не просила. Впрочем, таяла не она одна. Поклонницами Кузиного голоса и других не менее замечательных достоинств были многие девочки. Да и как могло быть иначе? Кузя был начитан, воспитан и обходителен, со школы избрал здоровый образ жизни, не отравляя окружающую среду и жизнь учителей табачным дымом и, в отличие от гормонально невозддержанных прыщавых одноклассников, не зажимал девчонок по углам на вечеринках. Ну, разве что иногда, поднимаясь по лестнице, галантно пропускал перед собой некоторых девиц в особо коротких юбках. А кто бы не пропустил? К тому же исправно посещал школьные комсомольские мероприятия и не модный тогда теннисный корт, демонстрируя на собраниях идеологическую подкованность, а на спортивной площадке – белоснежные кроссовки и дорогую ракетку, присланные с оказией папой,

ответственным совзагранработником, большую часть жизни посвятившим тяжелому служению родине во враждебном западноевропейском окружении. В компании Кузя пил в основном сок и минеральную воду, воздерживался от чрезмерного употребления мяса и неумеренного секса и в результате, вопреки посягательствам многочисленных охотниц, на подходе к сорокалетнему юбилею продолжал оставаться «ну очень перспективным женихом».

По рассказам Вадима, разбогател Кузя в тридцать лет почти случайно. В результате стечения двух совершенно неудачных обстоятельств, которые вопреки здравому смыслу, но в полном соответствии с известным арифметическим правилом про минус, помноженный на минус, дали плюс. В 1998 году после вынужденного раздела имущества мясоперерабатывающего комбината с «авторитетными» партнерами ему достались только сотни тысяч банок никому не нужной отечественной говяжьей и свиной тушенки. К тому же в привычно катастрофичном августе грянул дефолт, которого все давно ждали, но подготовились лишь немногие – те, кто точно знал, когда и для чего дефолт должен грянуть. Вот здесь-то для Кузи и началось волшебное превращение двух отрицательных обстоятельств в один положительный результат. Население страны генетическим чутьем почувствовало приближение большой беды. Опытное довоенное поколение, обнаружив замаячивший на горизонте призрачный еще не забытый голод и бесконечных очередей, бро-

силось на последние рубли сметать с полок все, что можно было съесть. Тушенка вместе с солью, сахаром, мукой и спичками в одночасье превратилась в ходовой товар и легко ушла оптом по тройной цене. Реализовав всю партию популярного народного продукта, Кузя в одночасье стал миллионером. Но радость от свалившегося на голову капитала не помешала услышать сигнал, поданный государством, – он интуитивно понял, что авантюрные 90-е заканчиваются и наступает другое время, когда самым прибыльным бизнесом и надежной защитой становится государственная должность. Используя отцовские связи, Кузя поспешно снял с себя бремя коммерческих рисков и занял важный пост в новом правительстве. В общем, укрылся под теплым крылом непредсказуемого для населения, но уже вполне понятного для чиновников государства.

Сказать по правде, за несколько месяцев знакомства, привыкнув к его вниманию и заботе, Александра даже начала подумывать, что застенчивый поклонник не самый плохой вариант, но у того обнаружился существенный недостаток. Точнее, болезненный комплекс. Выяснилось, что Кузя и есть тот самый «каждый пятый мужчина», вычисленный строгой медицинской статистикой, то есть жутко ревнив. Поначалу это даже забавляло. Срабатывал женский стереотип «ревнует – значит любит». С одной стороны, было видно, что ему приятно появляться с эффектной спутницей на людях, но с другой... Выражение Кузино лица менялось, лишь толь-

ко к ней приближался мужчина. Даже ее собственный стилист, по своей природе, естественно, попадавший лишь в категорию подружек. Но Кузя в такие моменты бывал глух и слеп. А потом следовали расспросы: «Ну и кто это? Откуда ты его знаешь? Почему он к тебе подошел?» Не получая ответа, поклонник замолкал, погружаясь в омут мрачных предчувствий и предположений. С воображением у него все было в порядке. После того как в начале лета Александра, поддавшись на уговоры, переехала в его рублевский дворец, ситуация не улучшилась. «Что-то ты в последнее время как-то особенно тщательно стала за собой следить?» – с подозрением спросил он уже на третий день после ее переезда, заглянув в открытую дверь ванной, где она делала самый обычный, незаметный – очевидный признак хорошего вкуса – макияж. Выяснилось, что Кузя контролирует каждый ее шаг: умудряется втихаря читать эсэмэски, просматривает перечень звонков за день и залезает в почтовый ящик ее ноутбука. Более того, через оператора мобильной связи получает информацию обо всех ее передвижениях по городу, время от времени удивляя вопросами: «А зачем это ты ездил в Измайлово? А к кому ты зачастила на Кутузовский проспект?» Хотя такие вопросы кого угодно могли поставить в неловкое положение, оправдываться, а уж тем более отчитываться, Александра не любила. Поначалу отшучивалась, потом пыталась терпеливо вразумлять, но известная теория о неизлечимости чувства ревности подтвердилась на прак-

тике. Ее собственной. Профессиональные психиатрические приемы оказались бессильны, поэтому, застав однажды Кузю за изучением принадлежащей, как она всегда наивно полагала, лично ей записной книжки, Александра высказала ревнивцу все, что думает об этом конкретном случае и о нем самом как о главном действующем лице инцидента. Для усиления аргументации ненароком сбросила на пол, вымощенный редким бразильским мрамором, несколько подвернувшихся под руку коллекционных фарфоровых тарелок, собрала вещи, хлопнула дверью – сначала дома, а потом своей старенькой «девятки», пригорюнившись в дальнем конце Кузиного поместья, и покинула загородную резиденцию несчастного Отелло. Оторопевший Кузя даже не попытался ее остановить, а лишь растерянно моргал, наблюдая за происходящим.

В общем, она ушла, а Кузя был просто убит. Он страдал. Регулярно звонил. Оставлял клятвенные заверения на автоответчике. В целях примирения даже оформил на ее имя дарственную на бывшую коммуналку в районе Старого Арбата, о чем сообщил со смущенной улыбкой, подкараулив у подъезда дома ее мамы. А потом еще этот выигрыш в казино, куда она совершенно случайно зашла с Вадиком. Синяя «ауди» в полной комплектации – с телефоном, телевизором и восхитительной бежевой кожей! Мысль о том, что ее покупают, утонула в омуте печально-влюбленных Кузиных глаз. «Триста пятьдесят лошадей под капотом! Полный привод,

спортивный обвес, а в руле – сервотроник! Просто чума!» Так, кажется, сказал хозяин казино, выскочивший поздравить «прекрасную победительницу». Хотя что такое «сервотроник», Александра не знала, но, поразмыслив немного перед лакированной «чумой» с телевизором и вдохнув под насмешливым взглядом Вадима восхитительный запах кожи в салоне, решила, что, в конце концов, покупать – еще не значит купить и что Кузя – ее врачебный крест, и уж если от него нельзя избавиться, надо хотя бы попытаться нести его с улыбкой...

– Я сама выиграла! Ты же видел! – воскликнула она, с почти искренним возмущением глядя на Вадима. – Потому что первый раз в жизни играла. А новичкам всегда везет! Разве не знаешь? – Ее распахнутые зеленые глаза должны были ясно говорить, что она безоговорочно верит в удачу новичков в игорном заведении.

– Знаю-знаю, – хмыкнул он. – У нас в стране ведь как? – лукаво посмотрел на собеседницу. – Захотел новую иномарку – сразу в казино беги. Главное – по дороге повторять непрерывно как заклинание: «Я новичок, я новичок! И, кроме дорогой иномарки, мне ничего не надо!»

– Вадь! Я тебя убью! Прямо сейчас! – Она занесла руку, явно намереваясь совершить противоправный хулиганский акт.

– Ой, и куда опять все санитары подевались? – озабоченно закрутил тот головой, на всякий случай отодвигаясь. – Со-

всем не берегут главного врача!

– Ладно! – примирительно сказала Александра, удовлетворенная его покорным видом, и опустила руку. – Живи пока, Вадюшенька. Не хочу, чтобы подумали, что я должность главного врача для себя освобождаю.

– Ну, спасибо тебе! – облегченно выдохнул помилованный, снова придвигаясь. – Жизнь, подаренная тобой, для меня вдвое дороже. Буду ее хранить вечно... На память! Но, – все же решил вернуться к животрепещущей теме, – по вопросу моего замысла об обогащении путем получения материальной помощи от заинтересованных лиц ты вроде возражений не имела?

– Вадь, прекрати! – поморщилась Александра. – Тогда тебе жена нужна будет успешный бизнесмен, которая груз свалившегося богатства на хрупких плечах потащит.

– Ну! Я ж к тому и веду, – оживился тот. – Сандрочка, выходи за меня замуж, а?

– Вадюш, мы же договаривались! – сказала она, снимая очки. – Тема брачных отношений закрыта! Мы с тобой просто друзья! – провела ладошкой по его руке.

– Быть твоим другом тяжело, но не быть им еще труднее! – скорбно повторил он давно заученную фразу.

Мимо них, оседлав метлу и издавая рычащий звук, проскакал «философ».

– Степаныч не иначе как на взлетную площадку направился. Опять, видно, в созвездие Ориона полетит, – невоз-

мутимо заметил Вадим, проводив взглядом звездного скитальца, и достал из кармана халата пачку сигарет. – Все хочет убедиться, что там разумные существа обитают, коих он заочно считает своими единомышленниками. . . – с видимым удовольствием закурил, – . . . в смысле полного и окончательного отказа от просмотра телевизионных программ. Ну не желает он всякую чушь смотреть и слушать и своей энергией телеговорящую и телепоющую вампирскую братию подпитывать! Слушай, а может, он прав? Я вот сам недавно телик включил и. . .

– Ты снова начал курить? Не выдержал? – перебила Александра и отмахнулась от струйки дыма, потянувшейся в ее сторону.

– А к тебе по-прежнему дым притягивается, – уклонился от ответа Вадим, старательно выдыхая в сторону после очередной затяжки.

– Ага, даже если ветер от меня дует. Феномен, не поддающийся научному объяснению.

– Как идет работа, Сандрочка? – Вадим, оглядевшись по сторонам, незаметным движением затушил окурок о край скамейки.

– Не спрашивай лучше, – поморщилась она. – Тяжело идет. Материалов много собрала. С медицинской точки зрения вроде все ясно – вначале пограничные состояния, потом выраженная шизофрения с раздвоением личности, иногда переходящая в суицид как способ соединения с более успеш-

ным вторым «я» из прошлых жизней. Кстати, интересно, что всплеск психозов приходится всякий раз на перелом веков.

– Что, в конце двадцатого тоже всплеск был?

– Еще какой! Конец века наложился на окончание тысячелетия, а заодно и космической эры, отчего эффект только усилился. Собственно, всплеск и сейчас еще продолжается, – сказала она, с интересом наблюдая за Степанычем, который старательно выписывал пируэты на метле между деревьями. – Слушай, Вадик, я вот думаю, может, мне в Египет поехать, чтобы на месте во всем разобраться?

– В путешествие, значит, собралась? – понимающе взглянул Вадим. – Охота к перемене мест одолела? Верный признак хандры. Исконная русская болезнь... Когда нет проблем с едой, – добавил с усмешкой. – Душа моя, может, пора уже снова на работу, а?

– Чтобы понять природу психозов, надо раствориться в среде, порождающей психозы! Разве не понятно? – воскликнула она, возмущенная посягательством на отпуск.

– Понятно, – неожиданно кротко сказал Вадим и весело посмотрел на нее.

Хотя его насмешливый взгляд показался Александре обидным, но оправдываться она не любила, поэтому, напротив, решила плеснуть масла в огонь.

– Да, кстати, для полноты погружения в их мир я вчера в экспериментальных целях гороскоп себе заказала через Интернет, – подкупающе доверительным тоном сообще-

ла она. – Посмотрим, что скажут звезды по поводу моей поездки в Египет. – С очаровательной улыбкой уставилась на собеседника.

Сообщение о заказанном гороскопе – свидетельство несоменной профессиональной измены – было провокацией, красной тряпкой для Вадима, непоколебимого прагматика и циника, как и большинство врачей. Реакция не заставила себя ждать – он страдальчески скривился и скрестил руки на груди.

– Значит, ты как настоящий, убежденный материалист, воспитанный хоть и на обломках, но все-таки советской научной школы и мамой, убежденной атеисткой и к тому же дочерью революционного балтийского матроса, решила заняться исследованием вопроса перемещения душ прямо в логове порождения зла? Логично! Наблюдая за психиатром и его пациентом, иногда трудно определить, кто больной. Психиатра обычно выдает белый халат, – демонстративно стряхнул несуществующие пылинки с рукава. Про гороскоп будто и не услышал.

– Сам знаешь, по мнению старика Фрейда, понятия психической нормы не существует и все мы так или иначе балансируем на грани безумия, – усмехнулась Александра. – Хотя халат у меня тоже имеется, – все же перескочила она на правильную сторону баррикады.

– С собой надо носить, когда в лечебницу приходишь, – наставительно сказал Вадим и широко улыбнулся.

– Да ну тебя, Вадька! Ты все шутишь, – отмахнулась она, решив закончить непродуктивную часть разговора.

– Да нет, какие уж тут шутки? – воскликнул он почти возмущенно. – Отшучивалась ты сама, когда я пытался тебе про свои наблюдения рассказать, помнишь? Но разве тебе до того было, когда у тебя роман с Кузьмой закрутился? Женщина-самка одержала блистательную победу над женщиной-ученым!

Александра напряглась. Торопливым движением снова нацепила очки, сразу почувствовав себя комфортнее.

– Ну ты и язва! А что, так заметно было?

Вадим кивнул и даже попытался сочувственно погладить ее по голове.

– Перестань, Вадька, прическу испортишь! – увернулась она и поднялась со скамейки – желательно было сменить тему разговора. – Слушай, давай походим, а? Пойдем в парк. И ты спокойненько, не спеша, расскажешь мне то, что тогда... не успел, – просительно заглянула собеседнику в глаза. – Потому что очень делами разными занят был. Работы много было... всякой неотложной. Халатик тольконими. Хочешь, понесу?

– Ой, лисица-хитрюга! – рассмеялся Вадим. – Знаешь, что тебе отказать не смогу, и пользуешься. Пойдем, что с тобой поделаешь, – он нехотя поднялся со скамейки. – Так и быть, расскажу тебе... страшное, – смешно насупил брови.



– Нашел! Нашел! Нашел! – немолодой уже мужчина, выскочив из-за стола, казалось, был готов пуститься в пляс. – Благодарю тебя, великая Исида! – воскликнул он, подняв руки к потрескавшемуся потолку небольшой комнаты, которая, судя по наличию письменного стола, заваленного книгами, исписанными листами, рисунками и схемами, была его кабинетом. Затем снова, будто желая еще раз убедиться в правомерности восторга, схватил со стола несколько листов бумаги, нацепил очки с толстыми стеклами и впился глазами в текст.

– Та-а-ак-с... Все точно... – поднес лист ближе к глазам, – только гармоничные аспекты... образующие в результате... звезду Гермеса... – поправил сползшие на нос очки. – И кроме того... соединение Солнца, Венеры, Юпитера и Плутона, очень сильный стеллиум! А это есть вернейший знак старой души с очень высокой миссией, умноженной на способности и возможности... то есть... с высоко-о-окой реализационной властью! Нашел! – снова восторженно воскликнул он. – «На тонких планах все в порядке, работа славная идет!» – пропел слова только одному ему известной песни и бросился к телефонному аппарату.

Старинный парк через дорогу от лечебницы встречал благодушных, неторопливых пенсионеров и молоденьких мам с детскими колясками непривычной для города тишиной, разрываемой лишь хриплым карканьем ворон, озабоченных приближением нескончаемых, слякотных холодов – времени недоедания и выживания. Солнце, видно, решив порадовать горожан последними пригожими деньками, с непринужденным мастерством гениального художника разукрасило листву мягкими кисточками лучей, отчего все вокруг вспыхнуло разноцветным безумством прощального праздника.

Взяв Вадима под руку и про себя отметив, что Кузе тоже было бы неплохо походить в «качалку», Александра повела спутника по дорожке к пруду. Оба молчали. Наконец, не выдержав, она подергала Вадима за рукав, но тот, демонстративно провожая взглядом стройную девушку, выведенную на прогулку крошечным, украшенным бантиком йоркширским терьером, сделал вид, что не почувствовал, за что был награжден толчком локотка в бок.

– Э-э, ты что-то спросить хотела, Сандрюся? – недоуменно повернул он голову. – Ах, ну да, кажется, вспоминаю, – отпрянул в сторону, уклоняясь от острого локотка, готового к следующему безжалостному выпад.

– Ну? – Александра приостановилась, выжидательно гля-

дя на спутника.

– Вспомнил! Я все вспомнил! Только не бей! – жалобно запричитал он, смешно сложив руки в мольбе.

Услышав шум, йорк залился задорным игрушечным лаем, известив всех вокруг, что хозяйку в обиду не даст, за что был немедленно подхвачен ею на руки и уже с высоты плеча выразительными карими глазами победоносно посмотрел на нарушителей спокойствия.

– Ну хорошо, хорошо, – Вадим, пряча улыбку, обреченно вздохнул и подхватил Александру под руку. – Вот смотри, Сандрочка, что получается, – он приостановился, примерился и пошел с ней в ногу. – Берем, к примеру, туберкулезников, больных шизофренией. Ты, естественно, знаешь, что у нас является самым результативным методом лечения.

Александра передернула плечами, потому что хорошо помнила, как впервые наблюдала проведение инсулиновой блокады, когда больного, постепенно увеличивая дозу лекарства, несколько раз погружали в коматозное состояние, после чего выводили из комы при помощи инъекций глюкозы. Человек уходил из жизни – и возвращался, умирал – и воскресал.словно стрелка маятника раскачивалась: влево – жизнь, вправо – смерть. Потом, конечно, привыкла, но первое впечатление было сильным.

– Пра-а-авильно! – протянул Вадим. – Инсулиновые блокады или электрошок. Согласен, приятного мало, но ведь помогает!

Заметив на берегу пруда скамейку, он остановился, придав лицу жалобное выражение.

– Ну иди, иди, садись! – Александра обреченно махнула рукой.

Они прошли по влажной земле и, стряхнув опавшую разноцветную листву, опустились на скамейку возле прильнувшей к воде старой ивы.

– Но посмотри, как интересно, – Вадим достал сигарету, – мы лечим шизофрению, проводя человека через смерть, понимаешь? И в момент смерти что-то из него уходит, будто убегают из безжизненного тела некие зловредные сущности, разрушившие нормальную энергоинформационную систему человека и послужившие причиной болезни. Другими словами, происходит очищение через имитацию умирания. На этом и основано мое предположение, что шизофрения – это подселение в человека неких сущностей, покидающих тело в процессе его умирания. Этим сущностям нежизнеспособное тело-носитель просто не интересно.

– В твоей трактовке прямо процедура изгнания дьявола из человека! В храм не начал еще ходить? – скептически спросила Александра. – Или, может, мистикой увлекся? Или, не дай бог, оккультизмом? – снова извлекла она на свет виртуальную красную тряпку. К тому же маленькая месть за напоминание о выигрыше в казино и за «женщину-самку» была кстати. – Похоже, тебе пора заказывать гороскоп, – добавила цвета в кусок воображаемой ткани, глядя на Вадима с неж-

НЫМ ЕХИДСТВОМ.

Но бык, к ее удивлению, опять реагировал вяло.

– Ну, насчет мистики ты, пожалуй, преувеличиваешь, – ненадолго задумавшись, сказал он. – Кстати, знаешь, что означает слово «мистик» в переводе с греческого?

– Ты мне еще Лао-цзы процитируй, – насмешливо сказала Александра, – «Тот, кто знает, не говорит, тот, кто говорит, не знает».

– Вот именно! – Вадим поощрительно кивнул. – «Мистик» – означает «хранящий молчание». А с тобой разве ж помолчишь? Ты от моего молчания из себя выходишь и норовишь потасовку затеять, – он покосился на локоток. – Поэтому сегодня я более склонен отнести себя к... эзотерикам, – бросил лукавый взгляд на спутницу, нагло перехватывая у нее пурпурный тореадорский плащ и тем самым превращая правильную корриду в чистое издевательство, где теперь уже ей самой была отведена роль бодатой коровы.

Александра недоуменно подняла бровь.

– Не вели казнить, царица! Помилуй! – дурашливо запричитал тореадор.

– Вадь, прекрати немедленно! Ну почему ты относишься ко мне как к ребенку? Не можешь со мной говорить серьезно? Тогда я уйду! – Она приподнялась со скамейки.

– Сандрочка! Не уходи! – Вадим схватил ее за руку и усадил на место. – Клянусь, я буду говорить с тобой серьезно! О самом сокровенном знании! Выдам все тайны! Как на суде

инквизиции с видом на костер. И не буду относиться к...

Под взглядом Александры вовремя прервал фразу.

– Ну и что это за сокровенное знание для избранных, о котором кричат шизики на каждом углу? – снисходительно поинтересовалась она, пренебрежительно выделив слово «сокровенное».

В глазах Вадима вновь мелькнули озорные искорки.

– Ну, если ты так настаиваешь, пожалуй, попробую объяснить, – в его голосе появились нарочитые менторские нотки. – Как тебе, вероятно, известно, слово «эзотерика», которое понимается многими как «тайнознание», произошло от греческого *esoterikos*, то есть «внутренний», и это в первую очередь относится к внутреннему совершенствованию, познанию самого себя, духовному развитию и...

Александра, заподозрив подвох, прервала лектора.

– Вадь, эту дефиницию я в книжке читала, когда еще в институте училась.

– ...и потому нет ничего удивительного, что эзотерика во многом пересекается с той же психологией, – продолжил, повысив голос, Вадим.

Она нахмурилась, потому что утверждение о пересечении, а уж тем более во многом, эзотерики и психологии не понравилось.

– Но, – Вадим сделал многозначительную паузу, поучительно подняв указательный палец, – это лишь одно значение. Понятие «эзотерика», «эзотерический» означает еще

«внутренний», «сокровенный» не в смысле отдельного человека, а в смысле знаний группы людей. Отсюда знания бывают «эзотерические» и «экзотерические», то есть знания для внутреннего круга людей посвященных и для внешнего круга непосвященных. Другими словами, – он нежно посмотрел на собеседницу, – для профанов.

– А почему это ты на меня так смотришь? – немедленно возмутилась та. – Я что ж, по-твоему, похожа на человека, «стоящего перед входом в храм»? – не преминула она блеснуть эрудицией.

Вадим, смерив собеседницу удивленно-одобрительным взглядом, каким смотрит еще не потерявший интерес к ненаучной жизни лектор на неугомонную в тяге ко всему новому хорошенькую студентку, попытался продолжить:

– Возьмем, к примеру, пифагорейцев. У них эзотерика – это и внутреннее самоусовершенствование, и одновременно знания посвященных, знания внутреннего круга. Та-а-айные знания, – последние слова он произнес утробным голосом мага-самоучки.

Александра же, не получив ответа на свой последний, принципиальный вопрос о профанах, поднялась со скамейки и встала, подбоченившись, напротив бедняги лектора, который мало того, что говорит не о том, к тому же понимает все не так, если вообще что-нибудь понимает.

– Да, конечно, дорогая, ты права, здесь жуткая путаница, – поспешил ретироваться Вадим. – Эзотерика, мистика,

окультизм во многом синонимы и гораздо ближе друг к другу, чем к психологии! – попробовал выкрутиться он.

– Вадь, ты ведешь себя как мальчишка! – Александра укоризненно покачала головой. – Я, если честно, вот так думаю. Скажу по-простому, без наукообразности, ладно?

Вадим кивнул, глядя с обожанием, что означало: «Говори, что хочешь, только не уходи».

– Эзотерика, в отличие от оккультизма с его алхимией и магией, возможно, не шарлатанство, но при определенных условиях может быть хуже шарлатанства. При появлении определенных тем налетают стаи шизофреников, начитавшихся откровений разных «гуру», «суфиев», «мастеров» и «учителей» нынешних и прошедших времен. «Контактеры», «рерихнутые», «просветленные», «астральщики» и прочие кармаозабоченные. Большинство этих ослов, а иного слова не подобрать, просто не представляют, во что они ввязываются! – категорично заявила она.

– И в какие нежные женские ручки попадут потом... на излечение! – не удержался Вадим, с любовью глядя на распалившуюся собеседницу. – Астрологический прогноз, говоришь, заказала? Ну-ну! – Он заливисто рассмеялся и добавил как бы между прочим, что астрология тоже считается частью оккультизма, поэтому уж кто-кто, а он себе гороскоп заказывать не намерен. В отличие от некоторых.

Александра въехала во двор маминого дома и припарковалась подальше от балкона старушки со второго этажа, люто ненавидевшей все автомобили независимо от марки и года выпуска и забрасывавшей их сверху всякой дрянью, что было результатом кипения ее возмущенного разума в борьбе за социальную справедливость, а вовсе не за экологию двора.

«Меченая!» – взглянув на пень у заднего колеса машины, Александра будто услышала голоса из детства. Пень много лет назад был высоченным тополем, щедро снабжавшим округу невесомым пухом, а «меченой» ее дразнили одноклассницы. Спорить было бесполезно – она и вправду была меченой. По рассказам мамы, которую на седьмом месяце беременности привезли в родильный дом, когда необходимость кесарева сечения для спасения жизни ребенка стала очевидной, врач, чтобы подбодрить сорокалетнюю роженицу, наигранно весело спросил: «Ну, кого будем рожать? Брюнетку? Блондинку? Шатенку? Какого ребеночка желаете?»

«В крапинку», – с трудом пошутила мама.

И девочка действительно родилась в крапинку – на макушке явственно виднелись два белых пятна, из которых и начали расти совершенно светлые пряди волос, будто обесцвеченных перекисью водорода.

Верхушка тополя тоже была в крапинку, о чем Сашень-

ка не преминула сообщить маме, когда, достигнув подросткового возраста, начала летать во сне: «Знаешь, мамочка, я недавно во сне пролетала над тополем и увидела наверху несколько ярко-красных листьев. Все листья зеленые, а макушка – красная».

Мама усмехнулась тогда: «Дерево тоже в крапинку? Как ты?» И не поверила. Ночью же случилась гроза, и дерево упало, подкошенное лезвием молнии. Прямо на новенькие «жигули» соседа. Смотреть собрался весь двор, даже старушка-затворница со второго этажа спустилась порадоваться. Непонятные девочке слова звучали непрерывно, пока владелец автомобиля вместе с сочувствующими мужиками пилил ствол и вызволял тело раненого любимца...

А на отпиленной макушке действительно оказалось несколько ярко-красных листьев, необычных для начала лета. Мама сделала вид, что листьев не заметила.

Но началось все значительно раньше, когда Александре было четыре года. Однажды, когда мама выгуливала девочку в парке, к ним подошел сухонький старичок с бородкой клинышком, голова которого была покрыта старомодной шляпой.

«Я ждал этой встречи всю жизнь!» – воскликнул он, чем поначалу расположил к себе маму. Следующей, очевидно, должна была прозвучать цветастая фраза-комплимент по поводу маминых внешних достоинств, которую она вполне благосклонно ожидала.

«Позвольте поцеловать руку... – продолжил незнакомец, что тоже было очень приятно и почти не выбивалось из рамок приличия, хотя смотрел он почему-то при этом не на маму, а на голову девочки, – ...вашей дочери».

Мама просто остолбенела, старичок же вдруг начал нести совершенную чушь, а после неожиданно опустился перед девочкой на колени и поцеловал ее ручку, протянутую царственным жестом.

– Ты представляешь, – возбужденно рассказывала мама вечером отцу, – этот сумасшедший заявил, что теперь, после того как увиделся с этой козявкой, он может спокойно умереть! – запихнула ребенку в рот ложку манной каши. – Бормотал чего-то про какую-то, – она понизила голос, – «суку-срару», на месте которой у нее светлое пятно, и про пару нормальных способностей! Ну, то, что хоть пара нормальных способностей у нее, я надеюсь, имеется, – это понятно, но вот про... «суку-срару» мне не понравилось.

– Наверное, он имел в виду чакру и паранормальные способности, – робко попытался пояснить папа, недавно вернувшийся из командировки в Индию, но осекся, натолкнувшись на суровый взгляд жены.

История маму насторожила, поэтому она сконцентрировалась на правильном воспитании дочери: растила ее в строгости и без сантиментов. Да и какие могли быть сантименты в воспитании октябренка, пионерки, комсомолки и будущего члена партии, который должен болеть за весь пролетар-

ский мир, стойко сносить все тяготы жизни и преодолевать все препятствия на пути к великой цели – построению светлого коммунистического завтра? Тем более что коммунистическое завтра было понятием абстрактным, вне ясных хронологических рамок и могло наступить когда угодно. Первый раз, по рассказам папы, конкретный срок попытался установить Никита Сергеевич Хрущев, который отвел на все двадцать лет. Но не успел. Сняли с поста... Другие, более предусмотрительные, даже и не пытались, завязнув в теории развитого социалистического общества.

Под влиянием мамы чувство глобальной ответственности перед обществом пришло к девочке рано, в возрасте девяти лет, и началось с личной драмы. Душевной и творческой. Драмой стал порожденный незакомплексованным детским умом и записанный не знающей сомнений детской рукой рассказ о цветочке, который «жил в расщелине скалы и до него не доходило солнце, а он так мечтал, чтобы хоть один лучик коснулся его бледных лепестков и согрел их своей любовью. И – дождался. Солнце вначале согрело, а потом опалило нежные лепестки. И цветочек погиб. Оказывается, любовь может убивать», – сделал ребенок недетский вывод и направился к маме поделиться открытием. Критика была безжалостна. Мама, пробежав глазами произведение, схватила начинающего писателя за руку и подтащила к телевизору.

– Смотри! – со скрытой угрозой в голосе воскликнула

она. – Видишь? – ткнула пальцем в экран, где шла новостная программа. – Вот люди погибают на войне! – переключила канал. – Вот дети в Африке умирают от голода! – щелкнула еще раз. – Вот негры отстаивают свои права! – Затем включила следующий канал, где диктор полным напряженного трагизма и уверенности в победе голосом сообщал о развернувшейся битве за урожай. Опять переключила. Мультфильм про Мальчиша-Кибальчиша – мальчика со странным именем, который не выдал врагам военную тайну, звал к подвигу и самопожертвованию. Мысль о том, что Кибальчиш мог просто не знать именно ту тайну, которую у него хотели выпытать враги, посетила Сашеньку значительно позже, в подростковом возрасте, но высказать крамольное предположение вслух пионерка не решилась.

– Во-от! – торжествующе воскликнула мама и еще раз щелкнула переключателем, но программ больше не нашла. Время такое было на телевидении. Советское, когда «Дом-2» еще не показывали.

– А ты, – в голосе мамы зазвучали торжествующе-осуждающие нотки, – ты пишешь про какой-то цветочек!

Потрясенная увиденным, девочка понуро отправилась к столу и решительно дописала: «Так погиб цветочек, жизнь которого прошла не в борьбе!»

Мама была довольна, но в этот момент в ребенке погиб писатель-романтик, убитый в зародыше суровой действительностью.

Однако жажда творчества была столь велика, что вскоре, оправившись от душевной травмы, Сашенька решила стать художником. Тем более что папа подарил краски. Правда, за пару лет до этого, прочитав книгу о Моцарте, девочка хотела быть композитором, но однообразные изматывающие гаммы, которые надо было повторять по многу раз, встали непреодолимым заслоном на пути к сочинительству. Гаммы были прозой жизни, а душа требовала творческого полета. Именно поэтому она тогда же решила стать поэтом и оставалась им целый вечер – прекрасный и вдохновенный! С трудом дождавшись утра, она прибежала к папе в ванную и возбужденно-подрагивающим голосом прочитала пришедшие ночью с небес строки:

«О, весна без конца и без краю – без конца и без краю мечта! Узнаю тебя, жизнь! Принимаю! И приветствую звонком щита!»

Потрясенный папа даже перестал бриться, наклонился и молча обнял поэтессу. Вдохновленная успехом, Сашенька отправилась завтракать. В то утро даже морковный сок, торопливо проглоченный с закрытыми глазами, показался не таким отвратительным, потому что она вся была там, за письменным столом, где чистые листы бумаги нетерпеливо ждали новых шедевров, а перьевая ручка, орудие настоящего поэта, сочилась чернилами, чтобы перенести эти самые шедевры на бумагу. Музыка новых стихов уже звучала у нее в ушах...

На столе, прямо в центре, Сашенька обнаружила открытую книгу стихов. «О, весна без конца и без краю – без конца и без краю мечта! Узнаю тебя, жизнь...» – прочитала она. Сказочную мысль о том, что ее стихи так быстро смогли напечатать, она отмела, детским умом осознав, что чудеса бывают только на Новый год, до которого еще целая жизнь. Если считать с июня...

А краски папа подарил настоящие. Масляные. Сочные. Не какую-то жалкую акварель, расплывающуюся по бумаге туманно-дымчатыми, бледными разводами. Подарил и увел маму в гости. Ясно, чтобы не мешать.

Сашенька, естественно, решила сделать родителям подарок. Краски и кисти у нее уже были. Оставался вопрос, что же нарисовать? Жанр портрета ее не очень привлекал. Трудно добиться сходства. В памяти ребенка всплыли уже известные ей имена Леонардо да Винчи, Микеланджело и даже название «Сикстинская капелла» – произведение, соответствующее масштабу ее собственного замысла. Оставалось найти подходящую поверхность. Девочка задумчиво постояла около стены родительской спальни, но, поразмыслив, поняла, что красок может не хватить. Подходящая по размеру поверхность обнаружилась за шкафом. Кусок оргалита, шершавый с одной стороны, но совершенно гладкий с другой, много лет назад убранный туда мамой на всякий случай, дождался своего звездного часа. Правда, попытка немного выровнять края основания будущего шедевра при помощи

папиного лобзика не увенчалась успехом. Лобзик оказался непрочным, за что и был брошен за шкаф. Вздыхнув, девочка расположилось за столом на кухне, предусмотрительно постелив на него новую белую клеенку. Разделочная доска превратилась в мольберт, на котором ребенок развел краски подсолнечным маслом. Однако выяснилось, что дезодорированное и рафинированное масло жидковато, поэтому был найден заменитель в виде масла кокосового, аромат которого напоминал любимое печенье с кокосовой стружкой. Сашенька сделала первый мазок...

Картина удалась! Деревенский домик, по крышу занесенный снегом, отливающим розовыми, голубыми и желтыми оттенками в свете огромной луны, похожей на недожаренную пиццу, – к концу работы ребенок проголодался, – в окружении задумчивых и настолько разлапистых елей, что пришлось даже дорисовывать концы ветвей на клеенке, был прекрасен! Чудесный новогодний пейзаж и достойный фон для появления Деда Мороза с подарками и Снегурочкой, которая то ли его жена, то ли дочка, то ли внучка, то ли соседка – девочка тогда в такие подробности не вникала, с восторгом встречая разновозрастных и разногабаритных особ, сопровождавших праздничного старца каждый год.

Поздно вечером, услышав звук открывающейся двери, она спряталась под стол. Сюрприз так сюрприз!

Но родители ее даже не стали искать. Сразу приступили к обсуждению. Выслушав горячие аргументы за и против сво-

его творчества, Сашенька решила не выходить замуж. Никогда!

А потом наступил переходный возраст, о чем свидетельствовали скорбные и сочувственные взгляды окружающих, то и дело повторявших таинственную фразу об этом самом возрасте. Переходить было интересно. Внешние изменения в форме тела и внутренние в организме заставляли наблюдать за собой и размышлять. Тогда-то ее впервые и посетила мысль о том, что врач интересная профессия, а анатомия занимательный предмет.

В руках мамы все чаще стал мелькать папин ремень как средство, стимулирующее ускорение перехода. Ремней у папы оказалось несколько. Видно, мама заранее готовилась. После каждого наказания ребенок забрасывал очередной использованный аргумент за пустивший корни в паркет могучий дубовый шкаф. И вот однажды случилось долгожданное: утром папа, растерянно подвязав брюки розовым пояском от маминого халата и проходив весь день на работе в наглухо застегнутом пиджаке, навсегда перешел на подтяжки. Это была победа! Тем более что в двенадцать лет Сашенька начала летать во сне, и поводов для жесткой аргументации стало больше. В самих полетах, конечно, ничего плохого не было. Проблема была в том, куда деточка отправлялась, покинув собственное спящее тело. А летала она, как правило, по известным маршрутам: к родственникам и друзьям семьи. И утром делилась с мамой впечатлениями от увиденного, в

мельчайших подробностях описывая, кто что говорил, что делал и во что был одет, если был одет вообще. Сначала мама посмеивалась, выслушивая послеполетные впечатления девочки, и даже делилась по телефону с родственниками и знакомыми, которые тоже весело смеялись, пока речь не заходила о них самих и пикантных подробностях их личной жизни. Выслушав эти самые подробности, они почему-то испуганно замолкали и, пробормотав невнятно про удивительные совпадения, которые, конечно, случаются в жизни, надолго пропадали, что, естественно, настораживало и расстраивало маму, привыкшую к регулярному общению. Обеспокоенная странной реакцией родственников и знакомых, мама начала неожиданные ночные проверки. Со словами: «Спи, спи, дочка, я на минутку», – стала неожиданно включать по ночам свет, проверяя, на месте ли ребенок. Ребенок всегда был на месте, но от резко прерванных снов у девочки начались головокружения. Она стала просыпаться по ночам от того, что все вокруг раскачивалось, как на палубе корабля, попавшего в жестокий шторм. Держась за шаткие стены, с отчаянным криком: «Помогите! Все сюда!» – она перебиралась в спальню родителей, которые, естественно, всегда были рады. Мама успокаивала и убаюкивала ребенка, но с каждым днем, точнее ночью, мрачнела все больше. В воздухе запахло грозой...

Кульминация наступила неожиданно. Когда у них гостила папина племянница Ольга. Ночью Сашенька проснулось

от странного звука. В углу кто-то скребся. Настойчиво и пугающе. Она прислушалась. Коготки тем временем зацокали по паркету. Душераздирающий детский крик в ночи мог разбудить кого угодно. Даже соседей по подъезду. Мама прибежала первой. Собственно, добродушный папа с ней даже не соревновался, потому что был в очередной командировке. Увидев на пороге комнаты маму с багровыми пятнами на бледном лице, ребенок, закрыв глаза, прохрипел севшим от предчувствия неминуемой расплаты голосом: «Мышь! Там мышь!»

«Я тебя сейчас убью! Убью! Издеваешься? Ненормальная!» – взгляд приближавшейся матушки не обещал ничего хорошего. Но рыдать девочка себе не позволила: не хотела лежать в гробу некрасивой и заплаканной.

Спасти ее могло только чудо. И чудо произошло, появившись в облике заспанной Ольги: «Ну что вы кричите? У меня просто убежал хомячок», – сообщила та, оглядывая комнату и зевая...

Наступила триумфальная тишина! Тишина, которая означала, что, во-первых, девочка – нормальная. Во-вторых, ни в чем не виновата. И не просто не виновата. Она – жертва недоверия, несправедливости и почти состоявшегося произвола. Значит, теперь можно плакать. Громко и с подвываниями. По-взрослому.

После этого случая мама перестала по ночам зажигать свет в ее комнате, и у расслабившегося ребенка начались

пророческие сны. Когда однажды утром она сообщила маме о смерти ее дальнего родственника, жившего в другом городе, раньше, чем оттуда позвонили, мама сдержалась, но, когда ребенок начал предсказывать будущее и предсказания стали сбываться, увеличила дозу морковного сока и стала давать дочери витамины, себе – успокоительное и, в конце концов, повела ребенка к невропатологу.

Мама долго беседовала с врачом наедине. Когда дверь кабинета открылась и на пороге появился невысокого роста мужчина с добрыми карими глазами, смотревшими на нее ласково, успокаивающе и, показалось, даже уважительно, девочка расслабилась и с удовольствием позволила дяденьке показать все, чему того учили в институте, снисходительно наблюдая, как тот постукивал по ее худеньким коленкам молоточком, покалывал ладонки иголочками, чертил на коже полосочки.

«Встань. Закрой глазки. Руки перед собой. Указательным пальцем достань до кончика носа одной рукой. Теперь другой. Умница. Теперь ложись на кушетку. Закрой глазки. Представь, пяточки – это пальчики, коленочка – носик. Теперь достань пальчиками до носика». Ребенок озадачился. Как достать пяточкой-пальчиками до коленочки-носика на одной ноге? Невозможно. Наверное, дядя врач что-то перепутал и надо достать пяточкой-пальчиками до носика-носика. Вздыхнув, она, не открывая глаз, принялась, сопя от напряжения, дотягивать пяточку до носика. Врач наблюдал с

интересом, мама с ужасом. Но девочка этого не видела. Открыла глаза только тогда, когда пяточка прикоснулась к носу. В тот день она впервые услышала от врача слово «йога». Врач же ласково уточнил, что пальчиками-пяточкой левой ноги надо было дотронуться до носика-коленочки правой ноги и наоборот...

После осмотра мама снова долго беседовала с врачом наедине и в результате, видимо, узнав что-то важное, с этого дня начала оберегать «сокровище, которое ей досталось». Последние слова явно были цитатой. В тот день перед сном матушка задумчиво произнесла, поглаживая ее по голове: «Знаешь, я так хотела, чтобы ты родилась! Мне было за сорок, резус отрицательный, первый ребенок, врачи категорически против, а у меня как психоз какой-то, что я должна тебя родить. Может, это и есть самое важное, что я сделала в жизни», – неожиданно призналась она.

Сокровище же, осознав благотворное влияние на маму похода к невропатологу, пришло к выводу, что врач не только интересная, но и полезная профессия. Оставалось только выяснить разницу между невропатологом, психологом и психиатром...

В конце концов, через несколько лет, Александра все-таки стала психиатром, но мама в это не поверила.

«Не по годам тебе такая профессия, – вынесла она вердикт, рассматривая красный диплом. – Солидности в тебе нет».

Слова прозвучали как приговор. Диплом кандидата наук, полученный через несколько лет, ее тоже не убедил.

«Купила, небось. Сейчас все покупают в подземном переходе. Не то что в наше время», – пробурчала она тогда...

... – Мамочка, это я. Доброе утро! – радостно сообщила Александра, наклонившись к домофону у двери подъезда.

– Не вижу ничего доброго, – сухо ответила маман на другом конце, сразу давая понять, что сегодня общение будет непростым. – Заходи!

Войдя в квартиру, Александра, наклонившись, чмокнула мамулю в щеку. После смерти мужа мать сильно сдала – похудела, как-то ссохлась и будто стала меньше ростом. Пережитый стресс и нарушение мозгового кровообращения привели к появлению старческого психоза, отчего мама часто путала или вовсе забывала слова, и чем больше волновалась, тем труднее ее было понять. Таблетки, принесенные Александрой, пить решительно отказалась, сообщив, что «презирает эту химию», а попытки поколоть витамины решительно отmelda, заявив, что «худеньким уколы делать нельзя, а от сердца у нее есть валокордин».

– Телевизор сегодня, небось, не смотрела? – возмущенно спросила старушка, проходя вслед за дочерью в гостиную. – В мире черт знает что делается! Наводнение в Европе. А в Америке пожары. Цены на нефть растут. Иранцы хотят атомную бомбу сделать, – сообщила она, расхаживая по комнате. – Ходорковский варежки шить отказывается, да еще чай

пьет неправильно. У нас горячую воду отключили, – выпала все новости сразу.

Александра осторожно опустилась в кресло. Начало беседы настораживало масштабом охвата тем.

– Этот, как его... домовой... – продолжила маман.

– Домоуправ? – решила уточнить Александра.

– Не перебивай меня! – возмутилась мама, останавливаясь перед ней и явно собираясь с мыслями. – Вот, сбила меня... Да, сегодня ездила в собес. В телеге так дуло из окна... ухо теперь болит.

– Мам, – осторожно поинтересовалась Александра, – «телега» – это, наверное, автобус?

– Какая телега? С ума сошла совсем? Я про автобус говорю, а ты про что? Да, кстати, сегодня взяла кругленькое, которое ты в прошлый раз привезла. Ты хвалила, между прочим, – заметила ехидно, – я думала, и правда ничего. Ужас какой-то! Не покупай мне больше, – обиженно поджала узкие губы.

– Чего не покупать? Ты о чем, мамочка? – Александра напрыглась, пытаясь сообразить, о чем идет речь.

– Что ты грубишь? – возмутилась маман. – Почему ты так со мной говоришь? Я тебе кто, козел... этого... как его... барабанщика?

– Мам, ну что ты... при чем здесь козел? Я спросила, что за «кругленькое» я не должна тебе покупать? Арбуз?

– Какой арбуз? – Мамуля перешла на повышенный тон. –

Ты еще и арбуз мне притащишь? – Она уперлась руками в бока. – Еще не хватало! – притопнула ногой. – Арбузы осенью бывают, а сейчас... – осеклась, бросив взгляд в окно на небо, затянутое набухшими от воды тучами. – Мало мне этого... кругленького... так еще и арбуз! Тащишь, чего самой не надо! И еще оскорбляешь!

– Мам, ну что ты, милая? Как я могу тебя оскорблять? Не придумывай, – Александра поднялась с кресла и попыталась обнять мать.

– Я, по-твоему, вру? – Старушка с неожиданной силой оттолкнула ее. – Что ты со мной как с идиоткой разговариваешь? И еще это... кругленькое... оно меня из себя выводит.

– Мам, да о чем ты? С этим что делают, ну, с «кругленьким»? – самым ласковым голосом спросила Александра, снова садясь в кресло.

– Ну-у, дорогая... – Мать перешла на зловеший шепот. – Ты мне эту дребедень принесла, потому что не знала, что с этим печеньем делать? Конечно, лучше мне принести, чем в помойку! – Ее лицо исказила брезгливая гримаса. – Грязное какое-то...

– А-а, печенье! – Александра облегченно вздохнула. – Это не грязь, мамочка. Это шоколад. И зря ты так, оно очень даже вкусное.

– У тебя всегда со вкусом что-то было, – старушка строго посмотрела поверх очков и наконец села на диван, покрытый стареньким клетчатым пледом. – С детства. Помню, увиде-

ла в деревне корову, у которой разглядела несчастные глаза, и заявила, что не будешь есть мяса! Еще икру не ела. Говорила, что из нее рыбки могут... это, как его... вылупиться. Помнишь, – по ее лицу скользнула улыбка, – всю банку икры этой... синей... тьфу, красной... в таз с водой выложила? И ждала, когда рыбки появятся? Ты всегда была сума... Сумасбродкой! – выкрутилась маман. – Кстати, я надеюсь, у тебя хватит ума не жениться на подростке?

– Господи, каком подростке?! Ма-а-ам... – почти просто-нала Александра, попытавшись погладить мать по худенькому плечу.

– Да все ж с ума посходили! – Старушка отдернула плечо. – Телевизор, что ли, не смотришь? Все старухи эстрадные женятся теперь на подростках. Лет на двадцать моложе. Одна вон дура белобрысая еще и родила от своего. Посмотрели бы на себя, коровы... Всем понятно, что это адольфы... тьфу... как их... аль...

– Альфонсы, – подсказала Александра.

– Ну, я и говорю, альфонсы! Слушай меня, не перебивай! А Блэр молоде-е-ец! – протянула она с восхищением.

– Блэр? Почему молодец?

– Не испугался террористов. Они его с женой убить хотели, а он говорит: не боимся мы вас! В смысле их. Ох, – мать тяжело вздохнула, – лучше бы Буша... Дурак дураком. Страна б спасибо сказала.

– Чья? – уточнила Александра. – Америка или Ирак?

– Наша тоже! – решительно произнесла старушка и поднялась с дивана. – Все. Пойду на кухню чайник поставлю. И тебе пора. А то скоро по телевизору передача начнется. Как ее там называют... «Под грэфом секретно».

– Ты имеешь в виду «под грифом»? – попробовала уточнить Александра.

– Ты что? – снова возмутилась мама. – Гриф – это птица! – Сказав это, для большей ясности она даже помахала руками. – А Грэф, – задумалась, – студент-второгодник, который на каждом заседании этих... министров... будто зачет сдает по учебнику, который только ночью прочитал. Не до конца. Мямлит чего-то, мямлит. Да-а... Вступить все куда-то хочет. В какую-то организацию... торговую. Ох, Сталина на него нет... – Сказав это, она решительно направилась в сторону кухни.

Старый, ставший слишком большим халатик грустно топорщился на спине...

Через час, приготовив матери обед и перемыв посуду, Александра села в машину, завела двигатель, но с места не тронулась. Сидела, откинув голову на подголовник. Вспомнилось, как давно, лет двадцать назад, мама задумчиво сказала, глядя на свое отражение в зеркале: «Тяжело стареть. Во сне всегда вижу себя молодой и красивой. Как раньше. А красивой – стареть еще тяжелее».

У Александры защемило сердце, оттого, что вспомнила себя маленькой девочкой, той, которая однажды, пробудив-

шись от страшного – самого страшного! – сна, примчалась посреди ночи к маме с криком: «Мамочка, миленькая, ну скажи, скажи, что ты никогда не умрешь! Никогда! Ну скажи! Мамочка! Миленькая...»

Быстрым движением смахнула вдруг наворачнувшиеся слезы и набрала номер на мобильнике.

– Мам!

– Алло! Кто это? Ты? Что случилось?

– Да ничего. Просто... просто хотела сказать, что я очень-очень тебя люблю. Очень.

– Я знаю, милая... Ты у меня очень хорошая девочка... Но кругленькое больше не приноси.

* * *

До дома Александра доехала быстро, минут за двадцать, несмотря на пробку, уже нараставшую грозовой тучей у Триумфальной арки на Кутузовском. Номер с тремя буквами «А», прикрепленный на ее новую машину по звонку Кузи кому-то из милицейского начальства, позволял ехать даже по резервной полосе, пока еще свободной от вереницы надменных «дискотечных» машин с подлинными и фальшивыми мигалками, номерами с триколором, синими милицейскими, тремя буквами «А», «О», «С» да и просто защищенных от необходимости соблюдать правила дорожного движения спецталонами, служебными удостоверениями и член-

ством в разных общественных организациях при силовых и околосиловых структурах, пассажиры которых, в отличие от обычных граждан, всегда опаздывали. Утром – на ответственную службу, вечером – на заслуженный отдых. Но всегда по неотложным государственным или как минимум служебным делам, куда более важным, чем своевременный приезд машины скорой помощи к больному или доставка роженицы в роддом, не говоря уже о пожарах, к которым Москве со стародавних времен, как известно, не привыкать. Езда по правилам в общем потоке машин была для носителей власти и денег проявлением заурядности, а заурядными выглядеть они не хотели. Ни перед кем, в том числе друг перед другом, точнее – недруг перед недругом.

Александр забавляли редкие и всегда почти бесплодные попытки некоторых безрассудных государственных мужей что-то административно реформировать в бюрократической системе, кого-то сократить или в чем-то ограничить. Как в сказке, на месте отрубленной головы выросли три новые. Ветряные мельницы, после очередной отчаянной атаки, небрежно стряхнув с мощных крыльев безрассудных смельчаков, продолжали невозмутимо крутиться, а государевых слуг и их приближенных становилось все больше: они плодились, как раковые клетки, вместе с должностными привилегиями, главными из которых, наряду с внешними атрибутами власти и избранности, была возможность распределять и ограничивать. Причем совершенно безнаказанно. Имен-

но право «делить и не пущать» порождало неотвратимую денежную благодарность со стороны тех особо доверенных лиц, которым щедро перепали государственные блага и возможности. Удобное для чиновников государство крепло день ото дня вместе с ростом мировых цен на нефть и газ. Ну а всегда неожиданные морозы и прочие природные и техногенные катаклизмы вызывали беспокойство разве что у членов сознательного гражданского общества, согревавших себя в вымерзающих многоэтажках горячими сообщениями об очередном повышении стоимости коммунальных услуг, а заодно и горячительными напитками с подлинными и поддельными акцизными марками, а то и вовсе без таковых.

Загородный дом в престижном направлении в нескольких сотнях метров от МКАД, ставший в последнее время постоянным местом жительства Александры, достался ей по наследству от отца, крупного ученого-оборонщика, который построил его в середине семидесятых на средства от Ленинской премии. Она родилась в этом доме, похожем на сказочный теремок, с резными наличниками и кованым флюгером-петушком на крыше. Многое внутри отец сделал своими руками в редкие свободные часы, получая удовольствие от смены деятельности. Разросшийся сад каждую весну радовал взрывом пышного бело-розового цветения. Вишневые ветки укутывали окна спальни на втором этаже и дарили в июне сочные бордовые ягоды, до которых можно было дотянуться рукой прямо из окна. Осень, украшенная разноцве-

тьем умирающей листвы, была здесь, в отличие от слякотной Москвы, не тягостной, а естественной сменой времени года. Зима радовала ослепительно-белым снегом и веселым гомоном соседских ребятишек, катающихся на ледяной горке. Их прежде тихий дачный поселок в последние годы разросся помпезными постройками с бассейнами, теннисными кортами и домиками для охраны и прислуги, закрытыми от посторонних глаз высоченными заборами. Ей на калитку регулярно вешали записки и звонили какие-то люди, готовые купить участок с домом в любом состоянии за баснословные деньги. Александра решительно отказывалась даже тогда, когда были проблемы с финансами, не желая лишать себя воспоминаний и ощущений.

Мать после смерти отца, с которым прожила почти пятьдесят лет, сюда приезжала редко, постоянно находясь в увешанной старыми фотографиями городской квартире, чтобы «Юрочка не чувствовал себя одиноким». Отец, интеллигентный, неконфликтный человек, посвятивший всю жизнь любимой работе, скончался, как и жил, тихо, словно боялся побеспокоить близких. За день до смерти он, член партии, как оказалось, втихаря в младенчестве крещенный бабушкой, набожной супругой бывшего земского врача, благодарно взглянув на дочь, причастился у священника, которого та привезла, следуя неожиданному для себя самой порыву. Мать, убежденная атеистка, так и «не поступившаяся принципами» и, в отличие от многих «верных ленинцев»,

которые как «в последний и решительный бой» бросились на строительство нового, точнее – старого капиталистического, мира, не засунувшая подальше от сердца красную партийную корочку, молча вышла на кухню, чтобы не мешать последнему разговору отца с Богом...

После вступления в права наследства Александра попыталась было переоформить дом и земельный участок на себя, но столкнулась с настолько отлаженной процедурой выжимания денег, что, потратив пару дней в бесконечных очередях и выслушав бесчисленное количество отговорок и замечаний со ссылками на десятки неизвестных ей нормативных документов и внутриведомственных инструкций, поняла, что не готова посвятить процедуре оформления всю оставшуюся жизнь. В равнодушных сереньких глазках бесполой существ, сидящих за должностными столами-крепостями, был один немой, но вполне понятный вопрос, ответ на который можно было дать только через доверенного посредника. Посредник у нее был только один – Кузя, которому она и позвонила с просьбой помочь. Тот очень обрадовался, потому что после размолвки она сама ему позвонила впервые. Сказал, пряча усмешку в голосе, что вопрос хотя, конечно, и непростой, но он постарается что-нибудь придумать. Сохранил, конечно, про сложности. Просто в гости напрашивался. Пришлось согласиться.

...Молоденький сержант-гаишник на посту на выезде из города, столько раз прежде проверявший ее «жигули» на на-

личие страховки, техосмотра, отсутствие посторонних запахов внутри салона, наркотиков и оружия в багажнике, а то и просто тормозивший машину, чтобы перекинуться парой слов с красивой девушкой за рулем, демонстративно отвернулся. Ну что там может быть у новенькой «ауди» с тремя буквами «А» в номере? Нарвешься еще. А работа хоть и тяжелая и вредная, но кормит. Глядишь, через пару-тройку лет подержанную «бэух» по дешевке прикупить удастся. Как у командира взвода.

* * *

Едва она успела поставить чайник на плиту и переодеться, как увидела из окна, что к дому подкатил «мерседес», из которого проворно выскочил Кузя с букетом цветов и коробкой с тортом, посягавшим на ее очередную диету.

Со словами «прекрасно выглядишь» и «ну, я рад, очень рад, что у тебя, наконец, проблемы» счастливый Кузя чмокнул ее в щеку, вручил букет, скинул пальто и почти по-хозяйски расположился на диване в гостиной.

– Чай будешь зеленый или черный? А может, кофе? – спросила она, доставая чашки и тарелочки для торта.

– Все равно что, главное – с тобой, Сашенька, – расплылся Кузя в довольной улыбке. – Так что у тебя за проблемы с домом? – поинтересовался он, чтобы сразу обозначить деловую цель приезда.

Александра рассказала. Красочно и живо, в ролях, используя навыки, полученные при посещении драмкружка в школе. Кузя, терпеливо выслушав «хвалебную» песнь всем живущим и даже еще не родившимся чиновникам – кровопийцам, взяточникам, казнокрадам и бюрократам, – с удовольствием сделал глоток и начал разговор. Циничный и откровенный. Бюрократический ликбез, а может, мастер-класс?

– Сашенька, я тебя, конечно, очень люблю, но нельзя же быть такой наивной! – покровительственно сказал он. – Скажу как очень близкому мне человеку, – Кузя сделал паузу, ожидая ее реакцию на высказывание, но Александра промолчала.

– Неужели ты не понимаешь, – продолжил он, – что мы, чиновники, есть правящий или, если угодно, господствующий класс со всеми классовобразующими признаками, в том числе со своими интересами?

Александра скривилась. Марксистско-ленинское учение о классах и классовой борьбе вызывало у нее наследственную аллергию по линии отца, с грустной обреченностью рассказывавшего дома о регулярных тоскливо-бессмысленных партийных собраниях, конференциях, семинарах по изучению материалов партийных съездов, ленинских чтениях и прочих важных мероприятиях, без которых оборонная наука неизбежно зачахла бы.

Кузя, заметив гримасу на ее лице, не смог удержаться от

улыбки.

– Видишь ли, Сашуля, – голосом опытного учителя продолжил он, – мы создали закрытое, многофилиальное – я имею в виду регионы – акционерное общество под названием «Российская Федерация», в котором являемся членами совета директоров и исполнительным органом одновременно, а значит, – сделал паузу, тем самым подчеркивая важность того, что будет сказано дальше, – реально отчитываемся только сами перед собой. Нет, мы, конечно, не снимаем с себя ответственности...

– Чего-чего не снимаете? Ответственности? – передразнила его Александра, скрестив руки на груди. – Да разве можно снять то, чего нет?

Хотя вопрос был задан по существу и предполагал однозначный ответ, а может, именно из-за этого, Кузя сделал вид, что не заметил издевки и невозмутимо продолжил:

– А наши должности – это, по сути, пакеты акций, причем, заметь, не просто голосующих, а привилегированных, то есть гарантирующих регулярное получение доходов, – пояснил он и сделал еще глоток. – Совокупность же наших должностей составляет теперь даже не блокирующий, а контрольный пакет в нашей акционерке.

Заметив вопрос в ее глазах, небрежно расшифровал, что блокирующий – это когда больше двадцати пяти процентов, а контрольный – больше семидесяти пяти.

– А почему, по-твоему, покупают государственные долж-

ности в России? – задал он риторический вопрос, провожая взглядом Александру, которая направилась к кухонному шкафу за сахарозаменителем, а когда взяла, осталась стоять, прислонившись к стойке. – Да потому, что это доля, на которую положены ежемесячные выплаты в виде формального жалованья... – подхватил ложечкой кусочек торта и поднес ко рту.

– Жалованье от слова «жаловать»? – съехидничала она. – Мне слова «заработная плата» больше нравятся.

– Дело не в названии, – усмехнулся он. – Наше жалованье, если правильно сказать – должностной оклад, является выплатой, которая на результат работы не завязана, а вот размер премиальных за работу в качестве управленцев напрямую зависит от усердия, изобретательности и, главное, от «взяткоемкости» поста. Так и будешь стоять? Не присядешь?

– Не присяду, – она покачала головой. – Лучше поясни непросвещенному кандидату медицинских наук про «взяткоемкость».

– Ну как ты не понимаешь? – Кузя расплылся в добродушной улыбке. Хорошо хоть не встал и не похлопал покровительственно по плечу. – Взяткоемкость, – устало-монотонным голосом начал объяснять он, – означает возможность распределять финансовые и имущественные блага и иметь своевременный доступ к важной для бизнеса информации. А дальше дело техники, где инструментом является превос-

ходное знание подзаконных актов, ведомственных инструкций и процедур. Именно там создаются зазоры, в которых рождаются состояния.

– Безнаказанно рождаются, – не удержалась Александра.

– А что ж ты хочешь, милая, чтоб правоохранители и судьи, нами назначенные, нас же и сажали? – В голосе Кузи прозвучали нотки искреннего удивления. – Олигарха какого-нибудь, зарвавшегося до политических амбиций, или чиновничешку, который совсем страх потерял и не по чину ворует, – куда ни шло! Для острастки другим и народного удовольствия. А так, чтоб слуга хозяина посадил, – это беспредел какой-то! – самодовольно пробасил он. – На дворе ж, чай, не семнадцатый год! – В Кузиных глазах промелькнул, но тут же исчез легкий призрак сомнения. – Власть ведь, Сашенька, как наркотик, – наслаждался он ролью учителя, – чем дольше принимаешь, тем больше надо. Сама как врач не хуже меня знаешь. А отвыкать ой как трудно! Ломка безумная! Потому от должностных льгот и привилегий добровольно отказаться невозможно!

– А чтоб скучно не было, соревнуетесь друг с другом, у кого понтов больше? – ехидно спросила она.

– Какое соревнование, милая? Привилегии и атрибуты по статусу даются. Всегда так было – и при царе, царствие ему небесное, – нарочито размашисто перекрестился он, – и при коммунистах. Для осознания собственной значимости в глазах окружающих, ну и чтобы стимул для роста у нижестоя-

щих был, – положил в рот еще кусочек торта, быстро проглотил и откинулся на спинку дивана.

– Что ж среди вас совсем никого не осталось, кто народу по совести служит? – скорбно усмехнулась она.

– Ну, как это не осталось? Имеются еще, конечно, динозавры-бессребреники, – рассмеялся Кузя. – Ну, так они же почти святые, разве что без нимба над головой, – хмыкнул он. – Но мы боремся с этим злом! Как с пережитком тяжелого коммунистического прошлого! Я бы еще кусочек тортика съел, если не возражаешь, – посмотрел просительно.

– Твой торт, сколько хочешь, столько и ешь, – пожалала она плечами. – Или желаешь, чтобы я тебе положила?

– Ага, – с умильной улыбкой кивнул Кузя.

«Вот было бы забавно, уметь мысли читать, – думала она, подкладывая гостю торт и подливая чай. – Стоит на трибуне чиновник или народный избранник, о народном благе распространяется, а над его головой информационный нимб: сумма денег на счетах, в сейфе наличкой, доли в предприятиях, недвижимость здесь и за границей какая имеется, оформленная на родственников и подставных лиц. Вот посмеялись бы!»

– Спасибо, дорогая, – довольным голосом сказал Кузя.

– А народ? – скорбно поинтересовалась она, уже зная ответ.

– А что народ? – усмехнулся Кузя. – Россия страна вождистского типа. Русские люди простодушны и легковверны,

во все времена уповают на беспощадного к врагам, строгого к чиновникам и доброго к народу вождя, царя-батюшку, и испокон веков ждут прихода царствия небесного на землю. Из поколения в поколение веру как эстафетную палочку друг другу передают. Того не понимают, что беговая дорожка на нашем стадионе по кругу идет, – скептически усмехнулся он.

– В царствии небесном, по учению Христову, царей не бывает, – язвительно заметила Александра, снова присаживаясь к столу.

– А мы в загробную жизнь не верим, и царь у нас земной, нами же на трон посаженный, – отпарировал Кузя. – И оставь христианское учение для наивных простаков. Пусть учат свою Библию. В ней, как в воинском уставе для солдат, все сказано. Терпи и надейся! Мы ж понимаем, что простой человек надеждой живет. А с верой выживать легче, – он помолчал. – Сама же знаешь, церковь всегда была инструментом в руках государства для создания покорного человека. То же и в советский период, когда религией стал атеизм, а батюшкой – секретарь парторганизации.

– Потому вы к церкви сейчас и присоседились? – запальчиво спросила она. – На публичных церковных мероприятиях часами под объективами телекамер выстаиваете, креститесь неумело, но старательно, чтобы к народу ближе казаться? Да народ ведь не дурак, понимает, что сытый голодного не разумеет.

– А голодный сытого, – со вздохом кивнул Кузя, придви-

гая тарелочку с тортом к себе поближе и снова погружая ложечку в сладкую мякоть. – Извечный конфликт, который удерживается в рамках приличия при помощи сильного государства. А там, где государство слабое и внешние правила приличия не соблюдает, – жди взрыва. Потому мигалки и спецномера скоро вынуждены будем отменить, – с сожалением в голосе сказал он. – Хотя, скажу тебе как на духу, мнение рядовых акционеров, к числу которых относится все население, включая тех же коммерсантов и даже олигархов, которых мы, слава богу, приструнили и отлучили от главных средств массовой информации и прямого влияния на госорганы, нас теперь не особо интересует. Даже на общем отчетном собрании, коим для нас являются выборы. Тем более что графу «Против всех» отменили. А народ, ведь сама знаешь, сердцем голосует. Как СМИ сердцу прикажут, так и проголосует.

– А что ж демократия? Совсем больше ее не будет? – вырвалось у нее.

– Будет. Только управляемая и суверенная. Нам сюрпризы больше не нужны. Во как неожиданностей наелись, – он провел ладонью по горлу. – Да и народу она разве нужна? – Кузя поморщился. – Народу нужна стабильность. И задача у нас теперь простая: чтобы одни были уверены, что мы им нужны для защиты от внутренних и внешних угроз и не дадим умереть от голода – мы ж, по Конституции, как-никак социальное государство, – а другие занимались бизнесом и

платили налоги, необходимые для поддержания системы в целом, и дополнительное вознаграждение – лично нам.

– Взятки, что ли? – бесцеремонно уточнила Александра.

Кузя уклонился от терминологического спора и невозмутимо продолжил:

– Скажу честно, хоть, может, и цинично звучит: все наши предприниматели, как самые старательные рабочие муравьи, нас кормят. Потому пусть самые успешные создают свои собственные островки материального благополучия по правилам, которые мы устанавливаем и, заметь, – он поднял указательный палец, – трактуем. И нам все равно, будут они благоденствовать рядом с нами на Рублевке или в других губерниях. Да хоть за границей! Главное, чтобы не мешали рулить. А то ведь информация есть про все-е-ех, – в глазах Кузи промелькнуло генетическое знание из тридцать седьмого года. – Досье собраны, в которых номера счетов в иностранных банках, суммы, адреса, доли в компаниях, имена любовниц и даже клички любимых собак, – заулыбался он. – Все известно!

– И про тебя тоже? – недоверчиво поинтересовалась Александра.

– И про меня тоже.

– Значит, и про меня? – мрачно спросила она.

Кузя кивнул.

– Да только пока я в государевой обойме сижу и по правилам играю, – продолжил он, – мое досье в шкафу будет пы-

литься. А мне нынешние правила нравятся! – твердо сказал он. – Тем более что наши суды, прокуратура...

– ...и ментура, – немедленно срифмовала она.

– ...всегда на страже интересов! – закончил фразу Кузя.

– Ты, кажется, забыл добавить определения, – она раскрыла ладошку и начала загибать пальцы, – «независимые», «неподкупные» и «интеллектуальные», особенно когда в словах «осужденный» и «возбужденный» как фирменный знак ударение на второй слог ставят и со склонением числительного «две тысячи» никак справиться не могут... вместе с крепкими хозяйственниками.

– А что? Ты хочешь, чтобы все, как в Ульяновской области, тесты на знание русского языка сдавали? Тогда, при объективном рассмотрении, мы чиновничий аппарат точно уполовиним, – Кузя даже засмеялся.

– Тесты на грамотность, – уточнила Александра. – Правильная, кстати, задумка. Сам посуди, как страной могут управлять люди, которые даже школьную программу по русскому языку освоить не смогли?

– У меня, Сашенька, по русскому и литературе в школе пятерки были! – на всякий случай уточнил он. – И капитал свой я до поступления на госслужбу заработал. Поэтому лично у меня острой потребности во взятках и откатах нет.

– В каждом правиле могут быть исключения, – она сделала вид, что смягчилась. – Понимаю, что не о себе говоришь, – взглянула насмешливо, – а о системе. Кстати, скажи

мне, уважаемый Алексей Викторович, ты когда последний раз в суде был?

– Чур меня, чур, сохрани господи! – Кузя снова со смехом перекрестился. – Разве что в качестве председателя пойду. Ох, до чего же я люблю сладкое! – проговорил он, уплетая торт. – Знаю, что вредно, а удержаться не могу. А ты что ж, совсем торт не будешь?

– А я вот недавно по одному делу в суде в качестве эксперта выступала, – сказала Александра, сделав вид, что не услышала вопроса. – Так вот, обратила внимание, что статуя богини правосудия при входе – без повязки на глазах. Кто ей, бедняжке, повязку снял, не знаешь?

– Ой наблюдательная! – протянул Кузя уважительно.

– А глаза вроде как на весы скосила. Кто больше положит. Ей бы еще вместо карающего меча телефонный аппарат правительственной связи рядом пристроить. До полного комплекта и для большей непредвзятости.

Кузя рассмеялся, нежно глядя на спорщицу.

– Вот потому мы, мужчины, вас, женщин, к политике и не подпускаем, что чересчур уж вы эмоциональные, мелочи замечаете и им значение придаете, и еще непрерывно на диванах сидите, – добродушно улыбнулся он.

– Фемида без повязки на глазах, скромные госслужащие на дорогущих иномарках, так же как и название «криминальная милиция», не мелочи, а символы, – возразила Александра. – А символ непосредственно связывает нашу актив-

ную жизнь с семантическим миром нашего бессознательно-го. И уж из коллективного бессознательного такие «мелочи» не просто вытащить. Потому люди так и настроены по отношению к чиновникам. А в политике, кстати, женщины свое слово скоро скажут. Пришло уже наше время власть в руки брать повсеместно! – сурово заявила она.

Кузя напрягся. Превращение из учителя в ученика, к тому же потенциально подчиненного руководителю в юбке, его явно не устраивало, поэтому он сделал вид, что занят тортом.

– Скажи, Кузя, – не унималась Александра, – я слышала от отца, правда, что после смерти Сталина негласная договоренность достигнута была, что высокопоставленных чиновников не убивают и по возможности не сажают, даже когда они с головы до ног в дерьме измазались?

Кузя глотнул чаю и нарочито лениво потянулся.

– Ну, уж ты скажешь, не сажают. Одному нашему за преступления в баньке аж семь лет дали...

– Ага, – согласно кивнула Александра. – Семь лет. Условно.

Кузя лучезарно улыбнулся и развел руками, что должно было означать – без комментариев.

– Кстати, – он попытался закончить неприятный разговор – настроение любимой женщины было важнее, – я тебе не рассказывал, как недавно одна фирмешка у службы судебных приставов, которая Министерству юстиции подчиняется, семь миллионов отсудила? Радовались, как дети! При-

дурки! Считают, что приставы, как унтер-офицерские вдовы, сами с себя взыскивать деньги будут! А судья в исполнительном листе вместо слова «взыскать» – «обязать вернуть» написал. Все по закону. Это значит, Минюст в добровольном порядке должен ошибку своих же судебных приставов признать, расходы в строку бюджета включить и судебное решение исполнить. Мы все обхохотались, когда узнали. Всю оставшуюся жизнь свои деньги получать будут! У них, бедолаг, один только путь – в Гаагу, в международный суд. А там, пока суд да дело, у нас все руководство страны сменится... по возрасту.

Александра печально улыбнулась.

– Задам, вероятно, глупый вопрос: за что боролись? Все эти романтические общественные и правозащитные движения и баррикады у Белого дома в 1991-м? Я, кстати, тоже еду защитникам носила! Так хорошо было! У людей надежда появилась, что жизнь другая приходит. Настоящая...

В глазах Кузи промелькнули давние воспоминания.

– Я тоже в те времена под песню Цоя вдохновлялся, – он вдруг ухватил рукой воображаемый микрофон и пробасил: «Перемен требуют наши сердца... Перемен, мы ждем перемен...»

Александра даже захлопала в ладоши. Таким Кузю она еще не видела.

– Только в то же самое время первые частные банки, фирмы и совместные предприятия туда наличку мешками сда-

вали, чтобы новую власть поддержать и светлое будущее себе купить. Кстати, – оживился он, – скажу честно, то был единственный момент искреннего единения власти, народа и бизнеса в новейшей истории. Такое теперь ой не скоро повторится. Если вообще когда-нибудь повторится. Да-а, – с усмешкой протянул он. – Все тогда жаждали перемен, а когда они произошли, приняли желаемое за действительное. Ну а когда поняли, что на самом деле случилось, всю крупную собственность в стране через ваучерную приватизацию уже поделили, – он развел руками.

– И назвали первичным накоплением капитала. Прямо как в капиталистических странах, – скептически усмехнулась Александра.

– Ну, есть здесь, конечно, доля лукавства, – согласился Кузя. – Они, «буржуины», там хоть и с нарушением закона и норм морали, но все же сами материальные ценности создавали, а наши, конечно, уже созданные прихватили...

– ...при помощи продажных чиновников, которые теперь как сыр в масле катаются, – добавила Александра. – А потом власть отсоединилась сначала от народа, затем от крупного бизнеса, потому что сама стала крупнейшим бизнесменом и создала экономического и политического уродца под названием, – задумалась, подбирая определение, – административный капитализм... с регулируемым чиновниками рынком.

Кузя чуть не ахнул.

– Ты что, милая, в экономический кружок записалась? А что ж про социальную ориентированность тогда ничего не сказала?

– Социальная ориентированность власти теперь все больше выражается в подачках с барского стола кое-где и кое-кому под восторженную телевизионную трескотню. И называется это «поистине царским подарком». Это я наши СМИ цитирую, – пояснила она. – И люди начинают мечтать, как бы до самого верха достучаться и под «царскую» раздачу попасть... в виде квартиры или водопровода, а то еще и газоснабжения. Скажи, я вот слышала, что налоги, прямые и, как их... – она покрутила рукой.

– ...косвенные, – подсказал Кузя.

– Да-да, косвенные, в нашей стране чуть ли не девяносто копеек с каждого рубля составляют.

– Ну, это как считать, – уклонился Кузя от ответа.

– А как ни считай, – она махнула рукой. – Свой пример приведу.

Кузя посмотрел на нее с интересом.

– Вот объясни мне, дорогой, почему я должна за дом, построенный моим отцом на честно заработанные деньги, с которых все налоги уплачены, немаленький налог на имущество ежегодно платить? За газ, свет, воду – понимаю. Я их расходую. Хотя ценообразование тоже не понимаю. А дом? А вот если бы в нем осталась жить одна моя мать-пенсионерка и ей нечем было бы платить? Ей что, в шалаш пересе-

ляться или в дом престарелых, а дом с участком государству за долги по налогу на имущество отдать? Но это же ее дом! И живет она на своей земле!

– Налоги с населения – главная статья доходов бюджета, – заученно сообщил Кузя.

– Спасибо хоть за воздух не берете, да и то, наверное, потому только, что счетчик потребляемого воздуха никто не придумал. Пока.

– Твоей маме что, деньги нужны? – с озабоченным видом поинтересовался Кузя.

– Да при чем здесь моя мама? – возмутилась Александра. – Не о ней речь, а о людях. В богатейшей стране мира две трети населения нищие или полунищие! Власть же выглядит тем увереннее и самодовольнее, чем выше цены на нефть и газ. Где, по-твоему, сейчас русский народ? Опять в... жопе? – не смогла она подобрать другого слова.

Кузя некстати рассмеялся.

– А что тебе так весело? – В ее голосе послышалось возмущение. – Вы, чиновники, смотрите блудливыми глазками с телевизионных экранов, лжете, не краснея, а усталыми выглядите оттого, что утомились нефтяные, газовые и строительные деньги из государственных закров в свои мешки и мешочки переключивать. Да если бы вы хоть половину ваших взяток и денег от продаваемых природных ресурсов среди народа распределяли, на вас бы как на образа молиться стали! А-а! – Она махнула рукой. – Создавать вы ничего

не хотите, да если бы и захотели – не смогли бы. Потому что не умеете. Умеете только продавать ресурсы, собирать налоги, распределять блага среди своих и брать мзду.

– Ну не беру я мзду! – попытался вставить Кузя. – Ей-богу! Хочешь, перекрещусь?

– А заодно укорачивать тех, кто высовывается, строптивых, – не могла успокоиться Александра.

– Что ж, имеем право как правящий класс! – попробовал отшутиться он. – Да пойми ты, внучка революционного матроса, государственная система важнее и сильнее отдельных людей и создана для их же блага. А в системе все должны играть по правилам. Не хочешь по правилам, система тебя отторгнет и от кормушки отлучит, что, пожалуй, еще хуже. Ну и как же мы тогда будем создавать собственные островки благоденствия? А они ведь нам тоже нужны. Для проживания с близкими нам людьми, – он ласково посмотрел на Александру.

– Слушай, Кузя, – Александра усмехнулась, – если никто не может решиться окончательно мигалки, спецсигналы и спецномера отменить, может, выдать их сразу на все машины? Хоть на недельку. Вот народ повеселится!

– Дались тебе эти мигалки! Отменим мы их скоро.

– А работу чиновников автоматизировать, где можно. Вместо чиновников, где только возможно, – задумалась, подбирая нужное слово, – «бюроматы» установить. Нужна стандартная справка, БТИ например, – блеснула словечком,

недавно подхваченным в чиновных кабинетах, – или план земельного участка, или справка об отсутствии задолженности по налогам, подходишь к устройству, выбираешь нужное, смотришь прейскурант, платишь, нажимаешь кнопку и получаешь, без очередей, хамства, грубости и унижений.

– Не-е-ет, – Кузя сделал вид, что озадачился. – Так не пойдет. Это утопия. Когда все процедуры будут понятны, нашто интерес где? Мы-то что делать будем?

– Как что? – вдруг развеселилась Александра. – Денежки по вечерам из «бюроматов» вытаскивать. Потом еще заводики по производству этих устройств запустить можно. Технические задания для создания программного продукта формулировать. Хотя нет, – она с сомнением покачала головой, – к этому делу вас допускать нельзя. От ваших заданий любой компьютерный мозг с ума сойдет. Да ты не бери, Кузенька, в голову, не переживай! – засмеялась она, глядя на озадаченного гостя. – Тортик лучше кушай, – подложила ему еще кусок. – Чтоб чиновник не нашел способ деньги из населения вытянуть? Тогда он не чиновник, а гремящий оковами пролетарий.

– Не понимаю, – Кузя недоуменно приподнял брови, – тебе что, плохо в этой стране?

– Неуютно. Как в чужой квартире, – грустно улыбнулась Александра.

– Жаль, – протянул Кузя и приступил к новой порции торта. – А я вот хотел тебе должность хорошую предложить в

профильном министерстве. Всякие там аукционы, конкурсы, котировки на лекарственные препараты, расходные материалы и медоборудование курировать по подведомственным медучреждениям. Теперь понимаю, не пойдешь.

– После сегодняшнего ликбеза? – Она покачала головой. – Ни за что! Свобода дороже. И потом, я ударение в словах правильно ставлю. Значит, никаких шансов для карьерного роста.

– А не хочешь завтра с утрачка в квартирку свою прокатиться? – ласково пророкотал Кузя, уводя ее от неприятной темы. – Там покомандовать надо, ценные указания дать, проконтролировать, чтобы строители не расслаблялись, идеи по дизайну им подкинуть. Съездишь, да? Кстати, документы на дом и участок не забудь мне передать.

* * *

Украшенный лепниной, с затертыми мраморными ступенями, просторный подъезд пятиэтажного дома на Старом Арбате, построенного в начале прошлого века, встретил Александру запахом ремонта. Новые владельцы квартир, объединившись в товарищество собственников жилья, шили ему новый костюм взамен потрепанной и залатанной во многих местах коммунальной одежды. Подъезд с вековой мудростью присматривался к важным жильцам: «Сколько же вас было за последние сто лет? Кого я только не видел! Надолго

ли пришли?..»

Тесный, скрипучий лифт, тяжело вздыхая, поднял Александру на пятый этаж к ее владению. Это была та самая подаренная Кузей расселенная коммуналка, из окон которой открывался вид на верхушки кремлевских башен с рубиновыми звездами и кресты на позолоченных куполах нового храма Христа Спасителя.

«Коммунизм снова вглядывается в христианство. Или христианство в коммунизм?» – подумала Александра, когда в первый раз подошла к окну квартиры.

Конечно, она понимала, что Кузя неспроста предложил ей заняться дизайном нового жилья, как он сказал, «без ограничения в расходовании средств», полагая, что она втянется, привыкнет к месту и, в конце концов, согласится поселиться здесь вместе с ним. Наивный! Замуж за Кузю после рублевского эксперимента она не собиралась. Во всяком случае, пока. Независимость была дороже. Но дизайн квартиры увлек. У Александры был врожденный талант осваивать новые пространства и превращать их, независимо от площади, в уютные гнездышки. Фэншуй был у нее крови. Непостижимым чутьем она умела находить место каждому предмету обстановки так, что все вокруг, включая самые мелкие детали, становилось сбалансированным и наполнялось домашним теплом. В этой огромной квартире изюминкой, по ее задумке, должно было стать сочетание живого огня и воды в гостиной: действующий камин из малахита – согласования с

пожарными Кузя взял на себя – и встроенный в стену фонтан в виде птицы феникс, накрытой тончайшим водяным колпаком.

Завешенная полиэтиленовой пленкой дверь квартиры была приоткрыта. Александра бочком, чтобы не испачкаться, протиснулась внутрь. В холле с задумчивым видом стоял незнакомый, белобрысый, взлохмаченный мужчина лет тридцати пяти с карандашом за ухом и листом бумаги в руках. Судя по всему – строительным планом прораба Василия Петровича. Тот, получив согласие хозяйки на перепланировку, смешно вытаращив глаза, пробежал по объекту, записывая что-то в тетрадку, дал указания рабочим и поспешно исчез, будто заранее скрываясь от ответственности за разгром, который принесут ремонтные работы. Белобрысый, поочередно бросая взгляд то на бумагу, то на еще не сломанную перегородку, явно прикидывал, каким образом с наименьшими трудозатратами реализовать бессмертные идеи прораба.

– Здравствуйте! – Александра подошла к мыслителю.

– Я работаю, – хмуро пробурчал тот, не поворачивая головы. – Вам чего?

– Вообще-то я хозяйка квартиры, – небрежно сказала она.

Строитель повернул голову и смерил ее оценивающим взглядом. Похоже, осмотр его удовлетворил, вследствие чего лицо с припухлыми щечками и выразительными, слегка навывкате, маслянистыми глазами озарилось плотоядной улыб-

кой.

– Здра-а-ассь-те, мадам! – церемонно поздоровался он, приложив руку к сердцу и склонив голову.

– Я вас здесь что-то раньше не видела. Вы что, один тут работаете? – строго спросила она.

– Ну почему ж один? – слегка обескураженный ее тоном, ответил строитель. Потом, видимо, вспомнив, что сердца женщин надо завоевывать остроумием, театрально отставил руку в сторону и продекларировал:

– «В компании с толстяком!»

– С которым «время летит незаметно»? – ехидно продолжила Александра и указала в сторону пустых пивных бутылок в углу.

– По-любому! – радостно согласился обольститель, ловко, с его точки зрения, поймав неопытную женщину в расставленную словесную ловушку. – С ним родимым, – он сделал паузу. – Электриком. Мишаней. У него сейчас перерыв. А я Дмитрий. Хотя близкие мне люди, – в его голосе послышались доверительные нотки, – называют меня Димон.

«Господи, везет же мне на психов! – забеспокоилась Александра, разглядывая Димона. – Неужели тоже наш клиент? Судя по лихорадочному блеску глаз, похож на наркомана. Впрочем, нет, – она присмотрелась. – Зрачки нормальные. А глаза блестят от возбуждения. Ну, значит, просто пока не состоявшийся сексуальный маньяк... Видел бы Кузя!»

Не обращая больше внимания на покорителя женских

сердце, она вошла в дверной проем и оказалась в гостиной. Перегородки между комнатами уже сломали, мусор вывезли. Освободившееся пространство с пятью окнами и эркером показалось огромным. Электрика Мишани здесь не оказалось. Пройдя в сторону будущей кухни, не обнаружила электрика и там, но по колыханию кучи грязных темно-синих тряпок, поняла, где искать.

– Извините, что беспокою! – обратилась она к куче нарочито вежливым тоном.

Куча продолжила равномерно вздыматься и опускаться.

– Э-эй! Гражданин! Пора просыпаться! – позвала уже громче.

За спиной послышалось хихиканье Димона.

– Не-ет, – со знанием дела протянул тот. – По-любому, хозяйка, так вам его не разбудить. Даже не пытайтесь. К нему подход нужен.

– Какой еще подход? – возмутилась Александра. – Кофе и булочку в постель?

– Не-ет, – снова захихикал белобрысый. – Мишаня мучное не ест, фигуру бережет.

– Ну, коли подход особый знаете, так подходите! – теряя терпение, распорядилась она.

– По-любому! – радостно согласился Димон. – В стороночку отойдите, да! – Он отступил на несколько шагов, затем, будто перед прыжком в воду, набрал в грудь воздуха и с разбегу, с пронзительным криком «вставай, ленивая сво-

лочь!» рухнул всем телом на Мишаню, как на огромный пружинный матрас.

– Я электрик... – пробормотал разбуженный столь варварским способом напарник, неожиданно легко поднимаясь на ноги и сбрасывая с себя Димона, – и я не сплю, – добавил поспешно, внутренним чутьем мгновенно угадав в Александре хозяйку.

– По-любому электрик, – подтвердил, поднимаясь с пола и отряхиваясь, Димон. – А вы думали, толстых электриков не бывает? Бывают.

Толстяк закивал и, наконец прогнав остатки сна, добродушно улыбнулся.

– На самом деле, – заговорил доверительным тоном, – я за последний месяц похудел на целых десять кило!

Заметив сомнение в глазах Александры, которая не могла представить добавку в десять кило к его пышному телу, Мишаня забеспокоился:

– Не верите? А я вот еще чуток поработаю и вообще Аполлоном стану! – самонадеянно заявил он. – Меня, кстати, в институте звали Биг-Мак, – поведал Мишаня. – А я не обижался. Потому что мы, толстяки, по природе добрые, – снова расплылся он в улыбке. – А электриком я стал по личным причинам. Из-за своей глупой наивности. Но... – он вздохнул, – не жалею...

– Ага, «не зову, не плачу», – видимо, решив взять инициативу в свои руки, передразнил его Димон. – Вы, хозяй-

ка, по-любому с ним лучше не разговаривайте. Его, блин, не оставишь, если он говорить начнет. С ним только я могу общаться, потому что у меня терпение адское.

– А вас всего двое? – прервала его Александра. – Сколько же вы ремонт-то делать будете? Я сейчас пока на даче живу...

– Не бойсь, хозяйка! По-любому управимся! – обнадежил Дима. – Нас Петрович для того и поставил сюда, чтобы работы ускорить, – приосанился он. – Мы у него как бы ударниками считаемся!

Александра с сомнением покачала головой. Во-первых, трудно было представить, что при таких темпах работнички управятся даже к концу следующего года. Во-вторых, ей не нравилось слово «как бы», пришедшее вместе с незаменимым «блин» в разговорную речь на смену протяжно-соединительным «ну-у» и «во-от». «Как бы говорить», «как бы работать», «как бы мастер», «как бы писатель», «как бы политик», «как бы честный», «как бы умный» и еще много других «как бы» звучали повсюду, превращая жизнь вокруг в притворство и лукавую игру.

– А может, вы пива хотите? – спросил окончательно пришедший в себя после жесткой побудки Мишаня, видимо, вспомнив, что дам следует угощать.

– Пива? Какого пива? – ошарашенно переспросила Александра.

– Настоящего. Продвинутого. С мужским характером. У

которого пробка прыгает... Задолбала, конечно, реклама. Насилие над мозгами. Но вот что интересно...

– Вот здесь будет встроенный в стену фонтан, – прервала она электрика, показывая на толстенную капитальную стену в гостиной. – Проводку сделайте. И подводку для воды. – Заметив недоумение в глазах Мишани, неосмотрительно пояснила: – Фонтан в виде птицы феникс под водяным колпаком.

Толстяк задумался, разглядывая стену.

– Ну, я пойду, пожалуй, – засобиралась Александра. – Вопросы ко мне есть?

Из-за спины Мишани вынырнул оживившийся напарник, видимо, истомившийся от вынужденного молчания.

– Птица – это по-любому клево! Птица – это круто! – восторженно тараща глаза, протараторил он. – Мы, кстати, недавно в одном доме богатом, на Рублевке, когда работали, такую штуковину прикольную видали! Отпад! Да, Мишань? Скульптуру. Тоже с крыльями. Ну, этот, как его, – замялся, подбирая слово, – с крылышками...

Александра в недоумении подняла брови.

– Ну, этот... – Димон многозначительно опустил глаза к своему паху.

– Фаллос, что ли? – помогла Александра, которая, как врач, относилась к подобным словам вполне спокойно.

– Ага! – Димино лицо засияло глуповатой улыбкой. – Так вот, мне скульптор, продвинутый мужик, между прочим, историю про эту штуковину рассказал. Кстати, это он меня

в вашу квартиру Петровичу рекомендовал, потому что мы вместе с ним в девяносто первом году Белый дом во время путча обороняли. Да-а, по-любому было время. Меня даже наградить хотели, да только...

– Так что скульптор вам поведал? – вернула его Александра к теме разговора.

– А-а, скульптор, так он чего... Говорит, у греков как бы бог был – Уран. А у него жена – Гея, – Димон вдруг прервал повествование и пробормотал озадаченно: – Кстати, я только сейчас подумал, странное для женщины имя... Гея... По-любому... Как бы для мужика – куда ни шло, все понятно... – Он впал в задумчивость.

– Эй, товарищ строитель! – Александра помахала рукой перед его лицом. – Не засыпайте. Я еще не ушла.

Дима встрепнулся.

– Так вот, эта Гея ему детей рожала – уродов, вроде как мутантов. А он их от злости как бы пожирал. Но одного ребенка, Сатурна, Гея эта все же успела покормить. И, значит, как бы прониклась к нему...

– Слышь, ты, мутант, ты, блин, штробить канавки под провода собираешься? – попытался остановить словоохотливого напарника Мишаня.

– Отвали! – отмахнулся тот. – Короче говоря, этого самого Сатурна Гея, – он почесал затылок, – как бы обратно родила. Понятно, да? – с сомнением взглянул на Александру.

Та кивнула, уже сожалея, что задержалась.

– И когда этот Уран снова к жене полез, чтоб по-любому еще одного ребенка заделать... – рассказчик снова почесал затылок, – Сатурн ка-а-ак махнет серпом и... как ее, блин, хреновину эту, по науке?..

– Фаллос! – помог на этот раз Мишаня.

– Ага... В общем, отрубил! Фаллос этот упал, но у него, прикиньте, крылья выросли, и он взлетел, – рассказчик энергично помахал руками, показывая, как все происходило.

Мишаня хмыкнул.

– И вот скульптор этот, – Димон недовольно повысил голос, – говорит, летает, мол, эта штукавина до сих пор. Осуществляет как бы секс через голову. Мы же иногда, после общения с некоторыми, – он демонстративно покосился в сторону Мишани, – за голову хватаемся. «Ох, затрахал, блин!» А это оно и е-е-есть! Встреча с летающим членом. По-любому!

Александра взглянула на часы.

– А знаете, что надо делать, чтоб полегчало? – вступил в разговор толстяк-электрик, обиженный Диминым намеком. – Представить у себя над головой этот член... с крыльшками, – тоже помахал руками, выразительно глядя на напарника.

Александра прикусила губу, чтобы не рассмеяться.

– И-и-и, – толстяк занес руку над головой, – ка-а-ак дать по нему чем-нибудь тяжелым с размаху! – резко опустил руку, отчего Димон непроизвольно отступил на шаг. – К при-

меру, той же теннисной ракеткой. Мысленно, понятно, – с сожалением в голосе пояснил Мишаня. – Классно действует! Я пробовал!

– Спасибо за инструктаж, Михаил! – Александра признательно улыбнулась. – Очень полезный совет.

– Кстати, – вдруг озадачился электрик, вопросительно глядя на напарника. – Слышь, Димон, я только сейчас подумал. А откуда у мальчика серп-то оказался?

На лице знатока эпоса отразилась напряженная работа мысли.

– Ну-у, как бы... – начал было он, отведя глаза в сторону.

– Что значит «откуда»? На строительном рынке купил! По случаю! – послышался из прихожей незнакомый голос, и в дверном проеме появился невысокий сухопарый мужчина в кожаной куртке.

Александра не смогла сдержать смеха. Глядя на нее, за компанию расхохотался Мишаня, а вслед за ним и Дима.

– Здравствуйте всем! – приветливо улыбнулся незнакомец. – Извините, коли помешал своим вторжением, но звонок не работает, – он внимательно посмотрел на Александру близорукими глазами, защищенными толстенными стеклами очков в немодной оправе. Показалось, будто запустил и мгновенно вытащил из нее невидимые щупальца. – Вы, значит, хозяйка будете, – сказал с такой интонацией, что Александра не поняла, вопрос это или утверждение.

Она кивнула, все еще продолжая улыбаться.

– Как удачно, что вы здесь оказались! – продолжил незнакомец.

Александра посмотрела вопросительно.

– Видите ли, дело у меня деликатное, не знаю даже, как подступиться.

– А вы говорите прямо, без обиняков, – предложила Александра. – Тем более что времени у меня немного, – добавила она на всякий случай.

– Ну что ж. Вы правы. Иногда самая короткая дорога к цели – прямая, – сняв кепку, незнакомец провел рукой по лысой, словно натертой воском голове. – Значится, так. Дело в том, что... до 1917 года в этой квартире жил мой дед.

Александра слегка напряглась – к чему это он?

Незнакомец, словно прочитав ее мысли, усмехнулся:

– Да не беспокойтесь, я не по поводу прав на наследство и реституции. В России ее никогда не будет. За исключением церковного имущества, понятно. Ну так церковь – это святое! А в отношении других – слишком много воды утекло. К тому же за последние годы все уже заново перераспределили. Кругом одни добросовестные приобретатели, – усмехнулся он. – Так вот, значится, – он потер лоб. – Разбирая бумаги умершей недавно тетушки, я обнаружил одну чрезвычайно интересную запись. Зашифрованную. – Сказав это, незнакомец замолчал, будто сомневаясь, стоит ли говорить дальше, и бросил взгляд на Димона, который слушал с полуоткрытым ртом, переводя напряженный взгляд с хозяйки на гостя.

– Вы, конечно, расшифровали, – скептически усмехнулась Александра. – А в записи, вероятно, указано место, где спрятан клад, да? Ах, как романтично!

– Как вы догадались? – ничуть не смутившись, спросил гость.

– Что, действительно клад? – чуть растерявшись, удивленно спросила Александра. – Здесь? Откуда?

– Говорят, у каждого клада двое родителей: богатство и беда, – философским тоном сказал гость. – Так вот, значится, в этой квартире мой дед в смутное время спрятал нечто для себя ценное. И я, кажется, знаю место.

– Ух ты-ы! – простодушно воскликнул Мишаня, в глазах которого призрак набитого флибустьерами парусного фрегата под костисто-черепастым флагом уже поплыл в сторону необитаемого острова забирать спрятанные когда-то несметные сокровища.

Лицо Димона, напротив, окаменело. Похоже, он сильно сожалел о том, что еще вчера не снес все оставшиеся в квартире перегородки, а заодно по кирпичику не перебрал несущие стены. Желательно без посторонних. Опасность обрушения дома его, похоже, ничуть не пугала. Он недовольно зыркнул на все еще добродушно улыбающегося Мишаню.

Незнакомец же весело подмигнул ошарашенным строителям.

– Послушайте, – он сделал паузу, вопросительно глядя на хозяйку.

– ...Александра.

– Тезка, значит. Я тоже Александр. У вас рабочие часом не из ближнего зарубежья? Уж очень любопытные.

– Нет! – в один голос прокричали приятели.

– Я по-любому из Текстильщиков! – засуетился Димон. – Меня Дмитрий зовут. А фамилия Бушинский. Хотите, паспорт покажу? Я как бы москвич во втором поколении! – В его голосе прозвучала уязвленная гордость. – А вот он, Мишаня, как бы вообще с Таганки! И фамилия у него редкая. Знаете, какая? Прибыль. Михаил Тихонович, – уважительно проговорил Димон.

Мишаня утвердительно кивнул, а Александра посмотрела на него почти восхищенно. Такая фамилия в ее практике попала впервые.

– Ну, простите, мужики. Спросил, не подумав, – гость поднял руки вверх. – А коли так, – он повернулся к хозяйке, – не возражаете, если я ваших орлов немного поэксплуатирую?

Александра пожала плечами.

«Нелепая ситуация. Бред какой-то!» – подумала она, нащупывая в кармане мобильник.

– Значится, так, – гость вместе с рабочими двинулся в сторону кухни. – Вы оба поступили в мое распоряжение для поиска клада. Будете работать кладо...

– ...вщиками! – торопливо добавил Димон, преданно заглядывая в глаза новому руководителю работ.

– Ну да, ими самыми, – улыбнулся тот. – Теперь, значит, хлопцы, несите лестницу и прихватите инструменты.

Александра, на всякий случай набрав на мобильнике номер Вадима, последовала за кладоискателями. Вадим ответил почти сразу, будто ждал звонка.

– Слушай, Вадька! – торопливо начала она говорить, прикрыв трубку ладошкой. – У меня на новой квартире, ну, ты знаешь, Кузина на Арбате, такое творится, что... – не закончила фразу. – В общем, я здесь, а ты трубку пока не отключай, и я отключать пока не буду, – попросила нарочито громко. – Потом все объясню. Просто сделай что прошу, – вполголоса закончила разговор.

Стремянка, без промедления установленная в нужном месте, жалобно скрипнула, лишь только Мишаня взгромоздился на первую ступеньку.

– Ты, блин, Мишаня, с дуба рухнул – на такую хилую лестничку залезать? – Придерживающий лестницу Димон мгновенно оценил грозящую опасность и решительно потребовал поменяться местами. Сам поспешно вскарабкался наверх. – Хозяин, по-любому командуй. Здесь, что ли, потолок вскрывать?

Гость молча кивнул. Старые обои вместе с еще более старыми газетами с сухим треском полетели на пол, обнажив дощатый потолок.

– Доски отрывай теперь! – подал голос Мишаня.

– А без тебя, блин, я как бы не знаю, что делать? – огрыз-

нулся Димон. – Принимай лучше доски!

Открывшийся через пару минут узкий проем манил запахом тайны. Засунув туда голову и руки, Дима начал торопливо шарить в дыре.

– Ничего нет, – раздался его растерянный голос. – А ты чего, блин, столбом стоишь? – выглянув из проема, рявкнул он на толстяка. – Давай по-любому фонарь тащи!

– Какой же электрик без фонаря? – Мишаня, довольный собственной предусмотрительностью, торжественно извлек небольшой фонарик из кармана. – Пли-и-из! – блеснул он школьными знаниями английского, видно, уже представив себя богатым туристом, объезжающим страны ближнего и дальнего зарубежья.

Димон снова просунул голову и руку с фонарем в проем.

– Кажись, есть! – сладострастно простонал он сверху.

* * *

– Мы достали то, что вам нужно! – хриловатый голос в телефонной трубке подрагивал от возбуждения. – Родилась семимесячной... соединение Солнца, Венеры, Юпитера и Плутона... и все остальное, как заказывали! Да-да. Славик просто гений! Защита на компе у мужика примитивная, а русские хакеры – рулят! Все понял. Подробности сообщу позже, и не забудьте, о чем договаривались.

* * *

– А может, все-таки по-любому откроем? – Димон вожделенно смотрел на небольшую, украшенную непонятными знаками, металлическую шкатулку, извлеченную из деревянного ящика вместе с конвертом, запечатанным непривычной для современных глаз сургучной печатью, и тетрадь с пожелтевшими листками. – Как бы клад все-таки! Может, там карта какая внутри есть или еще чего? – блеснул он жадным взглядом.

Гость, только что закончивший чтение письма из конверта, решительно помотал головой:

– Здесь ясно написано: открывать шкатулку без ключа нельзя. Пропадет все, что внутри.

– А все, найденное на территории нашей родины, по-любому родине нашей принадлежит! – неожиданным фальцетом провозгласил Димон, не в силах оторвать взгляд от находки.

– О-о-о! – Гость залился смехом. – Похоже, сейчас под звуки гимна и залпы артиллерийского салюта сюда внесут российский триколор!

Димон неожиданно злобно посмотрел на гостя и покрутил молоток в руках.

Александра на всякий случай встала поближе к гостю и нащупала на телефоне кнопку повторного набора.

Гость, похоже, развеселился еще больше. Бросив успокаивающий взгляд на Александру, встал между ней и Димой, достал из портмоне зеленую стодолларовую бумажку и как бы невзначай пронес ее около носа поборника экономических интересов родины.

– Скажите, Дмитрий, а сто иностранных долларов, полученных за реально выполненную работу, помогут вам избавиться от чувства ложного патриотизма и желания срубить бабки на халяву?

Дима, будто отгоняя испугавшие его самого мысли, помотал головой, криво усмехнулся и положил молоток на ступеньку стремянки.

– А двадцать пять процентов, по-любому как бы принадлежащих нашедшим... и их помощникам? – прогнусавил он, делая еще одну попытку присоседиться к несметным богатствам.

– Ну, не хотите, как хотите! – Банкнота направилась в нагрудный карман куртки.

Строитель, видимо, не ожидавший такого развития событий, поспешно протянул руку.

– Согласен! По-любому! Но рублями по курсу нашего ЦБ плюс три процента! – потребовал он, с нечеловеческой скоростью совершив в уме какие-то сложные подсчеты и косясь на благодушно улыбающегося Мишаню. – Потому что доллар падает, а рубль укрепляется.

– Может, все-таки возьмете зелеными? – с усмешкой по-

интересовался несговорчивый гость.

Дима скривился и обреченно махнул рукой. Заполучив банкноту, цепкими пальцами провел по верхнему краю, проверяя выпуклость букв. Видимо, рельефность надписи его удовлетворила, в связи с чем зеленая бумажка исчезла у него в кармане. Но жаба все еще душила.

– По-любому маловато, конечно, будет, а, хозяйка? – просительно обратился он к Александре.

– А что, правда там написано, что если без ключа силой открыть, то все пропадет? – вступил наконец в разговор Мишаня, обращаясь к гостю.

– Да! – твердо ответил тот и, вручив шкатулку Александре, легонько подтолкнул ее к выходу.

– Э-эх, е-мое, – горестно вздохнул Мишаня, расставаясь с наивной детской мечтой о богатом кладе, а заодно и с осмысленной взрослой – о сытой, нехлопотной жизни в деревенском домике, о баньке на берегу тихой речки, с камышами, кувшинками и водяными лилиями, об утренней рыбалке под развесистой ивой и о парном молоке из-под соседской коровы, набравшейся природных соков на вольном луговом разнотравье.

– Эх, блин, Мишаня! Вот так люди запросто в одночасье богатеют! Раз – и в дамках! А мы с тобой всю жизнь будем цементную пыль глотать, – донесся до Александры, уже стоявшей в лифтовом холле, скорбный голос Димона.

«Чтобы занять блондинку на пару часов, надо дать ей в руки листок бумаги, на обеих сторонах которого написано „Переверните!“» – вспомнился Александре старый анекдот. – Чтобы довести до бешенства любую женщину, надо дать ей в руки коробочку и запретить открывать! – возмущенно подумала она, рассматривая лежащую на коленях шкатулку. – Можно потрогать, погладить, понюхать, даже лизнуть можно, но все – снаружи. Что же там внутри? Замочной скважины нет. Выемка квадратная сбоку с углублениями, – на всякий случай еще раз попробовала подцепить ногтями плотно прилегающую крышку. – Даже щели не видно», – опять потрясла шкатулку.

– И почему это без ключа открывать нельзя? – пробормотала она. – Что там еще пропадет? А если я вообще никогда ключ не найду? – почувствовала раздражение к новому знакомому. – И зачем он мне ее отдал? «Ваша квартира – значится, и шкатулка ваша!» – передразнила Александра щедрого, но уже почти ненавистного тезку по мужской линии.

«Лучше бы этой шкатулки вообще не было. Сколько еще мучиться придется? Может, всю жизнь!» – Мысль показалась ей ужасной.

– А потом написать в завещании: «Дорогие потомки! Оставляю вам в наследство шкатулку, в которой неизвестно

что лежит, но открывать ее без ключа никак нельзя, потому что это „неизвестно что“ пропадет!» – проговорила она, немедленно представив укоризненные глаза несчастных потомков.

«Может, на рентгене просветить? – пришла ей в голову свежая мысль. – Ага! А потом Вадька прикалываться будет! Надо подумать, кто из знакомых на таможене работает, – осенило ее. – С их аппаратурой нет ничего тайного, что не стало бы явным», – она приободрилась.

– Ну, где там мой верный Отелло? Давно что-то Кузя ничего полезного не делал! – воскликнула она, поставила шкатулку на стол и набрала номер на мобильнике.

Поклонник снял трубку сам. Видно, уже уехал с работы.

– Кузенька, привет! У тебя есть шанс увидеться со мной... Как где? На таможене... Да все равно, хоть в Шереметьево, хоть во Внуково, хоть в Домодедово. Мне надо одну штучку просветить... Подарок, который открывать нельзя... Да какая разница, от кого? Ты его не знаешь... Ты же не хочешь, чтобы я умерла? От любопытства, конечно... Хорошо. Завтра. Утром. Часов в двенадцать. Нет, лучше в час. Я завтра с утра к маме собираюсь. Договорились... В Египет? А почему я должна передумать? Я туда уже целый месяц собираюсь. Все, пока. – Александра отложила мобильник и, бросив взгляд на шкатулку, залезла в сумочку. Достала оттуда визитку нового знакомого.

– «Онуфриенко Александр Васильевич. Хороший чело-

век», – ехидным голосом вслух прочитала она и поморщилась. – Ничего себе хороший человек! Подвергать женщину такому испытанию! Варвар, садист, – ворчливым голосом сказала она, хотя в душе, пожалуй, была рада, что с ним познакомилась. Жизнь старательно подбрасывала ей нужных, реже – интересных людей. А Онуфриенко показался интересным.

«Женщина, в прошлом символ любви, превратилась в символ секса, – помнится, так сказал он в машине, когда она его подвозила до Филевской. – Раньше женщины были богинями или как минимум прекрасными дамами, которым служили благородные рыцари и кавалеры, приходившие в возбуждение от одного вида обнаженной щиколотки или плечика и готовые на все за благосклонный взгляд». Красиво! Хотя таких женщин было совсем немного, – подумала она. – А вот мужики-романтики сейчас большая редкость. Чаще – циничные покупатели. Оценивают женщину, как товар. Одни – как эскорт-приложение, другие – как домработницу. А сами женщины? Многие с удовольствием в товар превращаются. Точнее – в аукционный лот и аукциониста одновременно. При помощи модных шмоток, стилистов, стоматологов и пластических хирургов тюнингуют себя до полного гламура, а потом выставляют свои прелести на продажу. Хотя, бесспорно, сейчас женщины стали свободнее, чем раньше. Богатые уже сами выбирают и покупают сексуальных утешителей. Да только нужна ли женщинам такая свобода, когда му-

жиков приходится не только обхаживать, но и содержать, а случается, и защищать?»

Александра покрутила визитку в руках.

– Господи! Он же Онуфриенко! Онуфрий! НФР! – вспомнила запись из истории болезни.

«Совпадение? А может, это он и есть? Тот самый „пребывающий в состоянии благодати“? Надо бы узнать при случае, когда он отмечает именины? Не двенадцатого ли июня? И если да, это невероятная удача!»

– Значит, день прожит не зря, – довольным голосом похвалила она себя, потом еще раз провела рукой по таинственной шкатулке, вздохнула, вытащила из сумки найденную на квартире тетрадку, которую Онуфриенко, быстро перелистав и пробежав глазами в машине, со словами: «Рукопись, которая может изменить вашу жизнь», – тоже вручил ей, устроилась в кресле, включила торшер, но вдруг вспомнила, что забыла позвонить Вадику.

«Бедняга, наверное, до сих пор от телефона не отходит», – подумала она и торопливо набрала номер.

Вадик ответил после первого же звонка.

– Вадюша, привет! Ты не поверишь, что у меня в квартире нашли! – сказала она торжествующе.

– И что же? – немного напряженно спросил он.

– Как что? Клад!

– И что там? Золото, бриллианты? – В голосе Вадима слышались смешливые нотки.

– В том-то и дело, что не знаю. Открывать нельзя, а то все пропадет.

Молчание на другом конце телефонной линии свидетельствовало – собеседник размышляет.

– Стухнет, что ли? – спросил он наконец. – Так ты не жди, сразу съешь или в холодильник убери, – хмыкнул он.

– Да ну тебя, Вадька! Я серьезно.

– И я серьезно. Если одна сразу съесть не можешь, друзей в гости пригласи. Меня, например.

– Ты об эту шкатулку зубы обломаешь!

– А-а! Так там шкатулка.

– А я тебе что говорю! Шкатулка, которую открывать нельзя.

– Не бери в голову, Сандрочка, привози, у нас в шестой палате «медвежатник» под психа косит.

– Я же говорю, открывать без ключа нельзя, потому что все содержимое пропадет.

– Это ты в инструкции пользователя прочитала? – язвительно поинтересовался Вадим.

– НФР сказал.

– А НФР – это?..

– А, шизофреник один! А может, мошенник. Я его исследую.

– А-а! – понимающе протянул Вадим. – Слушай, Сандрюсь, может, тебе все же обратно... к нам... на работу. Витаминчики поколем, а? – Было слышно, что он с трудом сдер-

живает смех.

– Зараза ты, Вадька! Вот в Египет съезжу и... уволюсь!

– Сандрочка, прости! Прости меня неразумного! Не увольняйся! – запричитал он. – Не губи отечественную психиатрию! – Все же не выдержал и рассмеялся. – А если честно, Сандрюся, я скучаю. Очень. Вчера тебя увидел – и понял. Привык каждый день видеть...

– Устойчивые привычки, Вадюша, верный признак старения, – насмешливо сказала она.

...«Итак, – отключив мобильник, Александра взяла тетрадь с пожелтевшей рукописью, – что же мы будем сегодня читать по воле „хорошего человека“?»

* * *

Дождь моросил второй день подряд, замазывая угрюмый город и мрачную Темзу серыми водяными разводами. Холодный ветер пронизывал улицы и переулки, тщетно стараясь сдуть тяжелое облако, опустившееся на землю. Тусклый свет газовых фонарей подрагивал синеватыми бликами на мокрой брусчатке. Изредка то здесь, то там из туманной дымки неожиданно возникали тени прохожих и тут же исчезали, будто растворившись навсегда. Чуть ссутулившийся человек был под стать теням – руки и ноги казались длиннее, чем требовалось для высокой худой фигуры, раскрытой для порывов ветра не застегнутым широким плащом, кото-

рый, очевидно, пребывал в недовольстве от столь небрежного к себе отношения и потому норовил сползти то с одного, то с другого плеча. Подойдя к угловому дому на перекрестке, человек поднял голову и, присмотревшись к номеру, подошел к двери, тщательно вытер ноги о зеленый ворсистый коврик, несколько раз постучал скобой дверного молотка о железную пластину, подождал немного, затем постучал снова, уже громче. Послышался лязг отодвигаемого засова, и дверь распахнулась.

– О, наконец-то, Владимир! – воскликнул открывший дверь мужчина лет тридцати с рыжей курчавой головой и пронзительно-синими глазами, с радостной улыбкой раскрывая объятия. – Я уж думал, не придешь сегодня.

– Не обессудь, Саша, засиделся в библиотеке, счет времени потерял, – смущенно улыбнулся гость, перешагнув порог дома, воздух которого был пропитан терпким запахом благовоний, и с удовольствием стянул с плеч мокрый плащ. – Я сам, признаюсь, сконфужен и...

– Да я все понимаю, – усмехнулся курчавый. – Библиотека Британского музея – ловушка для русских умов. То ли она им служит, то ли они подпитывают ее своими мозгами, – он принял плащ и повесил на вешалку. – Иди же, ждут тебя, – указал рукой в сторону лестницы на второй этаж.

Лицо вошедшего отразилось в круглом массивном зеркале, и он невольно встретился глазами с собственным отражением: длинные прямые волосы почти до плеч, нос правиль-

ной формы, чуть изогнутые, будто в капризной гримасе, губы, полуприкрытые темной полоской усов, выразительные глаза под густыми бровями. Отражение глядело настороженно, словно и не было двойником, а напротив, само присматривалось к новому лицу.

– Идем же, – повторил курчавый, легонько подталкивая гостя к лестнице.

Они поднялись наверх, прошли по коридору, освещенному масляной лампой, и оказались в небольшой комнате, посреди которой за небольшим круглым столиком на высокой ножке, заставленном свечами, сидела седая женщина в темно-синем шелковом одеянии. Движение воздуха заставило огоньки свечей дрогнуть, и они с легким потрескиванием принялись перешептываться друг с другом: «Приш-шел, приш-шел...»

– Миссис Бриксон! – торжественно обратился к хозяйке курчавый. – Позвольте представить вам своего знакольца из России, человека во многих отношениях почтенного, нашего молодого, но уже знаменитого философа Владимира Соловьева, сына любезного Сергея Соловьева, историка, с которым, кажется мне, вы были знакомы.

Миссис Бриксон, молча всматриваясь в гостя, протянула ему левую руку. Маленькая бледная ладонь, словно не ощущая пламени, застыла над свечами, которые замерли, подобно диким зверькам, заметившим зависшую над ними плеть дрессировщика. Соловьев почтительно склонил голову к ла-

дони хозяйки, но тут же отпрянул – лицо его обдало жаром и показалось, будто в него выпустили несколько десятков огненных стрел.

Воспоминания, словно воск, вытопленный из обожженного мозга, мгновенно выплыли из памяти...

Молебен в храме, и он, десятилетний, стоит рядом с горящими свечами. Не отрываясь, до болезненной рези, смотрит на одну из них, ту, что на уровне его детских глаз, наблюдая за крошечной, похожей на женскую, фигурку внутри пламени. И вдруг – он никогда не забудет – все вокруг будто смолкло, и голос настоятеля, и песнопения прихожан. Пламя дрогнуло, отбросив неожиданный лазоревый блик на икону Божьей Матери. Фигурка метнулась из стороны в сторону, и, начав увеличиваться, перед ним во весь рост предстала прекрасная женщина с сиянием вокруг головы и белой лилией в руках...

Видение продолжалось лишь мгновение, но осталось в памяти и душе на всю жизнь...

Он поднял глаза на миссис Бриксон. Хотя его растерянность длилась лишь мгновения, но и этих коротких мгновений было достаточно, чтобы губы хозяйки дрогнули в легкой усмешке, заметив которую Владимир, обеими руками крепко ухватившись за край столика, снова наклонился и прикоснулся губами к неожиданно прохладной ладони, все еще ожидающей над свечами прикосновения губ гостя.

– Благодарю вас, мистер Ревзин, – еле заметным жестом

хозяйка приказала провожатому оставить их одних. – Вы себя не любите, друг мой? – мягким, вкрадчивым голосом спросила гостя, когда Ревзин покинул комнату.

– Никогда не мог дать себе ясного в том ответа. Но почему вы так решили? – Владимир опустился на стул с резной спинкой и внимательно посмотрел на хозяйку.

Миссис Бриксон вызывала у него любопытство. О ней, знаменитой на всю Европу предсказательнице, он услышал в первые же дни пребывания в Лондоне, куда после окончания университета и года обучения в Московской духовной академии приехал для изучения индийской, гностической и средневековой философии. Миссис Бриксон называли северной Сивиллой, и это имя по первому впечатлению действительно подходило ей.

– Почему я так решила? Мне не хотелось бы отвечать на ваш вопрос прямо. Допустим... вы не взяли мою руку в свою, а склонились над огнем так, будто приносили себя ему в жертву, не оставляя между ним и собой никаких посредников.

– Кроме вашей ладони, – уточнил Соловьев.

– У вас было такое лицо... будто с обрыва прыгать собрались, – продолжила хозяйка.

– Напротив, – смущенно улыбнулся он, – я так трусил, что ухватился за край стола обеими руками! Я просто усмотрел в вашем жесте некое тайное значение и понял, что должен пройти через огненное посвящение. Впрочем, я был бы со-

вершенно счастлив, если бы вы продолжили свой рассказ обо мне. Нам ведь только кажется, что мы хорошо знаем себя...

– Хорошо. Я продолжу.

Владимир устроился поудобнее.

– Что ж, – Миссис Бриксон, полуприкрыв глаза, на мгновение задумалась, – я вижу, что в вас очень рано проявилось мистическое начало.

– Мистика – логика небес, – не удержался гость.

– Очень рано, – чуть поморщившись, продолжила хозяйка, – вас посещали видения. Вы чувствовали себя очень одиноким среди людей, потому что долго не могли найти самого себя. Ваша вера в Бога была в один день опрокинута вместе... – она запнулась, будто удивившись собственным словам, – с поверженным крестом...

«Поверженный крест... постыдное воспоминание! Хотя было и такое. До сих пор перед глазами стоит искаженное гневом лицо местного мужика», – Соловьев опустил глаза, пряча от хозяйки мысли.

Подростком он действительно пережил религиозный кризис, завершившийся победой атеизма. Стал последователем нигилистически настроенного философа и писателя Писарева и... выбросил в сад все иконы. А однажды, гуляя с братом в Покровском-Глебово, забрел на кладбище и там, внезапно впад в какое-то безумное состояние, повалил крест на одной из могил и принялся прыгать на нем. В чувство своим криком и кулаками его привел местный мужик.

– ...да, с поверженным крестом, – повторила Сивилла. Ее взгляд был направлен чуть выше головы гостя, словно она внимательно всматривалась в то, что находится за его спиной. – Но это длилось недолго. Вы вновь обрели Бога, но пришли к нему не через чувство, а через разум...

«Да-да, именно так», – мысленно согласился Соловьев.

– Сейчас вы увлекаетесь спиритизмом. – Хозяйка взглянула ему прямо в глаза. – Да, я вижу – заговорила она нараспев, – вы са-а-ами прекра-а-асный ме-е-едиум... о-о-очень редкий... редкий ме-е-едиум. Вы верите во все сверхъестественное, но не уверены в себе... не уверены...

Соловьев перевел дух, только сейчас заметив, что слушает, затаив дыхание.

– Оч-чень интересно! – наконец выговорил он. – Вы правы. Я на самом деле не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю. Но меня привела к вам одна история... – Он запнулся, словно сомневаясь, стоит ли продолжать. – Видите ли, так случилось, что я...

– Знаю. Я вижу. Вы были влюблены, и сейчас вам отказали. Не переживайте. Ваша привязанность длилась... – Сивилла прикрыла глаза, – четыре... да, четыре года... и это была какая-то ваша родственница...

– Кузина, – кивнул Соловьев. – Катенька. Натура нежная, тонкая, еще очень юна, но с годами обещает сделаться красавицей. В последнее время меня все время мучило ощущение

ние, что она общается со мной более по привычке, чем по внутренней потребности. Всякий раз, прощаясь, я уносил с собой впечатление восхищения, смешанное с мучительной тревогой... и вот...

– Это не ваша женщина, – сухо проговорила Сивилла. – Вас ждет иная любовь, которая перевернет вашу жизнь.

Возникла пауза. Стало слышно, как за окном лениво переругиваются бродячие собаки.

– Когда? – хриловатым от волнения голосом спросил он.

– Скоро.

– Когда? – Он подался вперед.

– Очень скоро. Но... вот что я вам скажу... – предсказательница помолчала, – берегите вашу голову, мой дорогой. От ударов внешних и... внутренних. Ваш мозг очень гибок и податлив, но не внедряйтесь за границы, которые пересекать не дозволено. Это все, что я могу вам сказать. Идите, – она неожиданно легко поднялась с места. – Большого вам знать не следует.

Соловьев медленно поднялся вслед за хозяйкой.

– Подождите минуту. Подойдите сюда. Ближе! – вдруг приказала она. – Сейчас вы сделаете следующее, – указала рукой на свечи. – Наберете в грудь как можно больше воздуха и резко, толчком выдохнете одним разом. Вместе с этим выдохом из вас уйдет все то, что мешает вам жить и верить в себя. Вы хорошо меня поняли? Не дуть на свечи, как на именинном пироге, а выдохнуть – резко и одним толчком, с

силой. Так, чтобы свечи погасли. Приступайте. Я выйду из комнаты.

Проводив хозяйку взглядом, Соловьев набрал воздуха в легкие и, наклонившись над столом, с силой выдохнул: «Х-х-ха!»

Свечи погасли. Все. Кроме одной.

...В итальянской таверне, куда он вместе с Ревзиным отправился после сеанса, было многолюдно и шумно. Пробравшись между столиками, они расположились в дальнем углу у прохода на кухню, откуда исходили дразнящие запахи.

– Ну, ты доволен знакомством? – раскрыв меню, поинтересовался Ревзин.

– Сам не знаю, – Соловьев пожал плечами. – Как-то все быстро получилось, толком и не пообщались. Мне думалось, это по-другому будет.

– Прямо не знаю, что заказать, – озабоченно пробормотал Ревзин и, оторвав взгляд от меню, вопросительно посмотрел на приятеля.

– Да ты не мучайся, Саша, – понял его Владимир, – я сам закажу, знаю, у тебя денег сейчас немного.

– Уж окажи дружеское содействие! – Приятель с облегчением передал ему меню и улыбнулся пухленькой кареглазой брюнетке в зеленом передничке поверх серого платья, подошедшей к столу, чтобы принять заказ.

– Принесите все как обычно, только на две персоны, – попросил Соловьев.

– Конечно, мистер Владимир, – кивнула та и, одарив друзей игривым взглядом, направилась в сторону кухни, повиливая округлыми бедрами.

– Ба-а, так ты здесь завсегдатай и, похоже, пользуешься успехом! – заулыбался Ревзин.

– Я или ты? – Соловьев, всплеснув руками, вдруг захохотал так заливисто, так весело и заразительно, что посетители вокруг, поглядывая на него, тоже невольно заулыбались.

– Ну ты и смеешься! – воскликнул Ревзин. – Вон, даже предметы неодушевленные твоего смеха не выдерживают, – он поставил неловко опрокинутую приятелем солонку на место.

– Предметы, говоришь? Это не предметы, а приветы. От матушки моей, Поликсены Владимировны. Она, когда на нас, детей, сердилась, всегда отталкивала от себя что-нибудь, оказавшееся под рукой на столе. Правда, в отличие от меня, у нее это был верный признак не благодущия, а, напротив, душевного покоя.

Девушка уже через минуту вернулась с корзиночкой хлеба и кувшином вина, ловко налила в бокалы, при этом будто нечаянно прижавшись бедром к плечу Ревзина. Тот поднял голову и подмигнул ей. Она, весело стрельнув глазами в его сторону, смахнула пухленькой ручкой просыпавшуюся соль со стола прямо на пол и, не оглядываясь, походкой женщины, которая знает, что ее провожают взглядом, направилась на кухню.

– За знакомство с Сивиллой! – поднял бокал Соловьев и сделал глоток. – Неплохо. Хотя немного переохладили, но по мне в самый раз. А ты чего раздумываешь? Пей! Вино, я тебе скажу, такая штука... такая штука... – Он покачал головой и, дождавшись, пока приятель осушит свой бокал, задумчиво продолжил:

– Вино, друг мой Александр, прекрасный реактив, в котором обнаруживается весь человек: кто скот, тот в вине станет совершенной скотиной, а кто человек, тот в вине станет ангелом. – Он рассмеялся.

– А ты ангел? – насмешливо спросил Ревзин.

– Я? – рассеянно переспросил Соловьев. – Я, Саша, философ. Философ, – повторил он и задумался, уставившись взглядом в одну точку.

Ревзин, которому были знакомы внезапные перемены настроения приятеля, тоже замолчал, покручивая бокал за ножку. Соловьев ему казался человеком странным. Много в его поведении и поступках Ревзин просто отказывался понимать, считая, к примеру, глупостью и чистоплюйством то, что Владимир, изучив в Московском университете естественные науки, историю и филологию, магистерскую диссертацию отправился защищать в Петербург, заявив, что, с его точки зрения, этого требует элементарная этика, поскольку его отец был тогда ректором Московского университета. Он, Ревзин, ни за что не уехал бы. Ни за что! Знакомые потом рассказывали, каким триумфом была для Соловьева

защита. Даже академик Бестужев-Рюмин заявил, что «Россию можно поздравить с гениальным человеком». А Замысловский, которого Ревзин терпеть не мог, выйдя с защиты, восторженно воскликнул, что Соловьев «стоял, точно пророк»! Вот и здесь, стоило этому «пророку» заявиться в Лондон, и уже из салона в салон полетели слухи о необыкновенном русском. Чем он, Ревзин, хуже? К тому же стихи пишет и прозу. И неплохо, говорят, пишет!

Девушка, поставив на стол тарелки со спагетти и овощами, бросила удивленный взгляд на отрешенное и, казалось, разом осунувшееся лицо Соловьева, а потом вопросительный – на Ревзина. Тот заулыбался и, жестом показав, что с приятелем все в порядке, начал ковырять вилкой в тарелке. Наколот кусочек какого-то овоща, похожего то ли на кабачок, то ли на тыкву. «И как можно питаться этими чертовыми овощами? – почти раздраженно подумал он. – Сейчас бы мяса да с жирочком, так нет, терпи его вегетарианство», – бросил взгляд на Соловьева, который продолжал сидеть в задумчивости, отключившись от всего вокруг.

– Тем не менее, Владимир, полагаю, в душе ты доволен визитом? – громко спросил приятеля, пытаясь вернуть того к действительности.

– А? Что? – Соловьев встрепенулся.

– Спрашиваю, доволен ли ты визитом?

– Да-да, – пробормотал тот. – Доволен.

– Она тебя великим медиумом назвала, между прочим, –

сказал Ревзин и проглотил овощ.

«Черт его знает, вроде бы даже на огурец жареный похоже. Может, посолить?» – подумал он и протянул руку к солонке.

– Ну да, встреча интересная, – задумчиво сказал Соловьев. – Она мощный спирт... Не идет что-то вино, – он жестом подозвал девушку, попросив принести два пива. – А пиво здесь... сам попробуешь, – наконец приступил к еде. – Что касается до спиритизма, это, милый друг, вещь серьезная. Вот, к примеру, такая история как тебе покажется? – Соловьев положил вилку на край тарелки и промокнул губы краешком салфетки. – Лет тридцать тому назад, ну да, в 1843 году, в Москве, в доме у Нащокина, собрались друзья Пушкина. Решили спиритизмом заняться, чтобы вызвать дух великого поэта. Медиумом у них девочка была лет восьми, которая, как ты разумеешь, весьма далека была от стихосложения. Так вот, один из гостей задает вопрос: «Скажи-ка, брат Пушкин, где ты теперь?» И что же ты думаешь? Девчушка та побелела вся, задрожала и вдруг отвечает, – Соловьев наклонился к приятелю, чтобы тому было получше слышно. –

Входя в небесные селенья,
Печалилась душа моя,
Что средь земного треволненья
Вас оставлял навеки я...
По-прежнему вы сердцу милы,
Но неземное я люблю.
И у престола высшей силы

За вас, друзья мои, молю.

– Каково? – спросил он Ревзина, который даже перестал есть.

– Да-а, однако... И каково твое объяснение?

– Не во власти моей это объяснять. Ты либо разумеешь, что есть нечто, неподвластное нашему уму, либо нет. Да вот хотя бы историю с Данте знаешь?

– Я с тобой, Владимир, уж и не знаю, что знаю, а чего не знаю, – покачал головой Ревзин.

– Вот скажи, ты смерти боишься? – неожиданно спросил Соловьев, хитро блеснув глазами.

– Господи, с чего это ты вдруг? – Ревзин отложил вилку и нож и откинулся на спинку стула, скрестив руки на груди. – Кто ж ее не боится?

– Я не боюсь, к примеру, – Соловьев кивнул девушке, водрузившей перед ними две кружки, полные золотистого напитка. – Смерть не страшна, – он с удовольствием сделал глоток. – Смерть лишь последний шаг к Богу. Так вот, Данте утверждал, что из всех видов человеческого скотства самое подлое и глупое – верить, что после этой жизни нет другой. И сам тому дал подтверждение после своей кончины. Его сыновья, видишь ли, разбирая бумаги покойного, не обнаружили последних глав «Божественной комедии». Перерыли весь дом, но увы! – Соловьев развел руками. – Были, кстати, они сами поэтами, не такими, как батюшка, понятно, однако, со-

жалая, что тот не успел закончить начатое, решили сами довершить его труд.

– И что ж? – Ревзин взял свою кружку.

– Видно, не понравилась их задумка отцу, – улыбнулся Соловьев. – И вот, уж не помню, кому из них, Якобо или Пьетро, снится сон, будто появляется перед ним сам покойный Данте, окруженный сиянием, берет его за руку, подводит к стене в спальне и говорит, здесь, мол, то, что вы искали.

– И что ж, нашли? – удивленно спросил Ревзин.

– Представь себе, нашли, – кивнул Соловьев. – А я ведь, знаешь, вчера опять в салоне у Вильямса был, – неожиданно сменил он тему. – Эти лондонские спириты, скажу я тебе... – Он покачал головой. – Подумать только, здесь, в Лондоне, столица спиритизма, а присмотришься, – он усмехнулся, – шарлатаны, с одной стороны, слепые верующие – с другой, и крошечное зерно действительной магии, распознать которое в такой среде нет никакой, ну, точнее, почти никакой возможности! Я и Цертелеву об этом в Россию написал, мол, не поверишь, друг любезный, но знаменитый Вильямс – это фокусник более наглый, чем искусный. Тьму египетскую он произвел, но других чудес не показал. Знаешь, когда летавший во мраке колокольчик сел на мою голову, я схватил вместе с ним мускулистую руку, владелец которой духом себя не объявил, – Соловьев рассмеялся. – А явившийся Джон Кинг был так же похож на духа, как я на слона, – он снова громко захохотал.

Какое-то время они молча ели, Соловьев с видимым удовольствием, а приятель с обреченным видом.

– Слышал, тебя обокрали? – Ревзин отодвинул опустошенную тарелку.

– Было, было! – весело закивал Соловьев. – Помогал женщине собрать рассыпавшиеся из пакета на тротуар продукты, плащ у меня, сам знаешь, широкий, вот в какой-то момент, видно, она и изловчилась. Только-только денег мне прислали из дома, хорошо не все взял с собой. А может, и сам где обронил.

– Наблюдаю за тобой, Владимир, – Ревзин с удовольствием сделал глоток пива, – и когда ты в человечестве разочаруешься? Разве ж не видишь, все вокруг пропитано лукавством, лицемерием? Нравов падение... – Он скосил глаза в сторону девушки, которая с подносом в руках прошла рядом, направляясь к соседнему столику. – Зло празднует победу над добром.

– В человечество, Саша, следует верить, даже если ты разочаровался в нескольких его представителях, – добродушно улыбнулся Соловьев. – А падение... Что падение? Падение лишь точка отсчета для взлета. И добросердечных людей значительно больше, чем бездушных. Однако же важно, вбирая в себя чужую боль, не вбирать чужих сомнений в победу добра над силами зла. Сомнение в своих силах – вот капкан, в который зло ловит всех слабых духом. – Он отпил пива и промокнул рот и усы салфеткой.

В воздухе вдруг запахло чем-то паленым. Ревзин принялся.

– Горит что-то, – обеспокоенно пробормотал он, оборачиваясь. – Может, на кухне чего сожгли? – Посмотрел на Соловьева, снова принявшегося за еду.

– Я только вспомнил, что не ел со вчерашнего, все недосуг было, – словно оправдываясь, сказал тот. – Да и то, после рыбного желе, которым меня супруга Янжула пичкала, аппетита пять дней как не было вовсе! – Он снова добродушно рассмеялся, но вдруг, резко прервав смех, нахмурился и подался вперед. – Для установления настоящей метафизики, – проговорил он, – спиритические явления не только важны, но и необходимы, но говорить открыто об этом нельзя-я, – он помахал пальцем перед собой. – Делу это пользы не принесет, а мне доставит плохую репутацию.

– Неужто и ты тоже церковного гнева боишься? – усмехнулся Ревзин.

– Гнева не боюсь, тем более что даже в Европе давно еретиков на кострах не жгут, однако же до истины хочу докопаться сам, без внешних воздействий и давлений.

Ревзин обеспокоенно втянул воздух.

– Не чувствуешь? Правда горит что-то!

– Горит и горит, – отмахнулся Соловьев. – Ежели пожар, нам скажут. Чай, не костер инквизиции, – засмеялся он. – Скажи лучше, чего тебя в библиотеке-то не видно? Здесь, в Лондоне, вроде как и нечем больше заниматься. Погода

скупная, люди такие же, сиди да работай.

– Я, Владимир, живу-то ведь не как ты в мебелированных комнатах напротив библиотеки, а на другом конце города, – в голосе Ревзина послышались скорбные нотки. – Дороговизна помещений здесь совсем не по моему карману. Высунешь утром нос на улицу, вроде солнышко глянуло, чаю выпьешь, снова глянешь, небо в минуту тусклое, дождь накрапывает или того хуже, грязное облако фабричного дыма, от которого все чрезвычайно быстро чернеет, даже крахмальные рубашки надо менять два-три раза в день, грязь на дороге, и никакого желания покидать помещение не наблюдается. А тебе-то не надоело гностиками да каббалой заниматься? – Он чуть отстранился, давая возможность подошедшей девушке забрать пустые тарелки.

Та наклонилась, снова, будто ненароком, коснулась пышной грудью плеча Ревзина, отчего тот замер, подхватила посуду и, повиливая бедрами, уплыла на кухню.

– Скучно, поди? Неужто ничего иного в голову не идет? – продолжил Ревзин, провожая девушку взглядом. – Женщины, к примеру. Женщины – они точно для удовольствия Богом созданы. Вот смотришь, и уже глаз радуется...

– Каббала, гностики... – задумчиво повторил Соловьев, разглядывая что-то на столе.

– Женщины, я говорю, – хмыкнул приятель.

– Каббала, гностики, женщины... Я как раз об этом, – Соловьев вскинул голову. – Ты слышал, думаю, что человек –

ну, это всегда признавалось – был изначально андрогинным существом, и потому разумно предположить, что он сохранит это двуполое состояние. В отношении того, как это будет сделано, существовало две точки зрения. Одна школа утверждала, что человеческая душа была разделена на две части, мужскую и женскую, и что человек остается несовершенным созданием до тех пор, пока эти части не воссоединятся через эмоции...

– Любовь, – уточнил Ревзин.

– Любовь, – кивнул Соловьев. – Отсюда теория о родственных душах, которые маются веками в поиске дополняющей их части разделенной души. Но вот послушай, какая штука! – Он оживился. – Есть, понимаешь ли, еще одна теория, будто разделение полов произошло в результате подавления одного из полюсов андрогинного существа, чтобы таким образом жизненные энергии могли быть направлены в сторону развития рациональных мужских способностей.

– И что? – Ревзин посмотрел рассеянно и со стуком поставил опустошенную кружку на стол.

– С этой точки зрения, – продолжил Соловьев, – человек до сих пор является андрогинным существом и по-прежнему изначально духовно полон, но в материальном мире женская часть мужской природы и мужская часть женской подавлены. Однако же через духовное развитие и познание мистерий скрытый элемент в каждой природе постепенно приобретет активность и, таким образом, человек восстановит половое

равновесие. По этой теории женщина эволюционирует от положения спутника мужчины до равенства с ним.

– Таким образом, женитьба... – Ревзин пренебрежительно поморщился.

– ...станет союзом компаньонов, – пояснил Соловьев, – в котором два сформировавшихся индивида пробуждают друг в друге скрытые способности, помогая друг другу достичь полного индивидуального завершения. С моей точки зрения, эта теория более адекватна. Хотя есть и еще одна, полностью противоположная теория и практика. Мы тут с Янжулом книгу Джона Хамфри Нойеса о «библейском коммунизме» читали.

– И что там? – Ревзин изобразил заинтересованность на лице.

– Нойес основал в США несколько коммунистических общин под названием «Онайда», среди обитателей которых проповедовал свободную любовь. Считал правильным разорвать индивидуальные связи между мужчинами и женщинами, чтобы переключить скованную в них энергию на приверженность обществу. Социализм для него учение о новом экономическом порядке, а коммунизм – о сексуальном. Считает, что социализм без коммунизма обречен, потому брак должен уступить свое место коммунизму. В «Онайде» все – мужья и жены друг другу, нет родителей и детей, поощряется секс, но запрещена любовь. Романтическая сторона – побочку. Все трапезы, труд и развлечения в общине коллективные.

Партнеры находят друг друга в общем зале во время общего вечернего досуга, а потом на некоторое время уединяются в одной из спален. Но не на всю ночь, во избежание романтических привязанностей.

– Интересно, – протянул Ревзин, глаза которого возбужденно заблестели. – Чем-то напоминает четвертый сон Веры Павловны в «Что делать?».

– У Чернышевского все гораздо... – Соловьев запнулся, – утопичнее, что ли, светлее и по-литературному красивее. Хотя, помнится, – он наморщил лоб, – слова «любовь», по моему, в сне Веры Павловны тоже нет. «Радость» есть, «веселье» есть, «наслаждение» есть, а «любви» нет. И вправду что-то горит, – он приняхался и огляделся. – Пойдем отсюда от греха подальше. Да и закрываются они скоро, – положил на стол несколько монет и встал из-за стола.

– Да-да, пойдем, – Ревзин медленно, будто обдумывая что-то, поднялся следом и направился к выходу, бросая взгляды в сторону кухни, откуда, словно ненароком, выглянуло озорное личико. – От греха, – добавил он и подмигнул девушке, на лице которой появилась обнадеживающая улыбка.

Вышли на улицу. Соловьев подхватил рукой цилиндр, чуть не слетевший с головы под порывом ветра.

– Мерзкий, мерзкий климат, – проворчал он. – Ни зимы, ни лета. Даже солнце – и то в вечной каминной дымке. Не зря все наши разъезжаются. И Ковалевский, и Капустин. Оста-

лись только мы с тобой да Орлов.

– Это какой же Орлов?

– Дьякон русской церкви.

– А ты как, Владимир, тоже собираешься?

– Мне ехать отсюда еще рано. Поживу до будущей весны, тогда уж... Задумал я, понимаешь ли, один важный труд... – Соловьев замолчал, провожая взглядом кеб, прогремывавший по булыжной мостовой.

– Поеду я, Владимир, – Ревзин, прерывая разговор, протянул руку для рукопожатия. – Поздно уже. Хозяйка на порог не пустит. Спасибо за ужин.

– Да-да, езжай. Мне тоже пора. – Рассеянно махнув рукой, Соловьев в раздумье медленно двинулся в сторону дома, не заметив, как его приятель, подождав немного, снова нырнул в таверну...

* * *

Водяная пыль, приснувшая с неба на лобовое стекло машины, напомнила о скором окончании бабьего лета. Стеклоочистители призадумались на секунду, но все же нехотя сделали свою работу. Порыв ветра полоснул по макушкам деревьев вдоль дороги, срывая разноцветное убранство и закручивая листья в феерическом прощальном танце. Заходящее солнце, с трудом прорвав одиноким лучом дождливую черноту горизонта, бросило беглый взгляд на серый город и

снова спряталось, словно ужаснувшись увиденному. Радиопередача прервалась сообщением о пробках на дорогах, которое напоминало сводку из района боевых действий.

«Потери узнаем вечером», – подумала Александра и перестроилась правее, чтобы пропустить прилепившуюся сзади «девятку», водитель которой явно искал повод попасть в новостной блок о дорожных происшествиях.

Когда она подъехала к дому, черный Кузин «мерседес» уже стоял на площадке возле участка. Она вышла из машины, чтобы открыть ворота. Водитель, степенный Петр Петрович, оторвавшись от телевизионного экрана на передней панели, приспустив стекло, с достоинством кивнул и проинформировал о том, что Алексей Викторович пошел в дом, потому что уже минут пятнадцать как приехал. Это было похоже на упрек. Отношение Петра Петровича к ней было неровным и колебалось в зависимости от ее отношений с Кузей в диапазоне от уважительно-подобострастного до осуждающе-недоуменного. В последнее время он, судя по всему, занял выжидательную позицию, решив просто наблюдать, хотя его взгляд по-прежнему говорил: «И чего ты, девка, выкобениваешься? Другая б с закрытыми глазами за такого жениха выскочила».

– Резину скоро надо будет на зимнюю менять, – помогая открыть ворота, не преминул наставительно напомнить Петр Петрович с тем превосходством в голосе, которое слышится у всех пожилых и многоопытных водителей по отношению

к женщинам, не способным отличить аккумулятор от генератора.

– Посоветуйте потом, Петр Петрович, какая лучше, «Гудиер», «Мишлен» или «Пирелли»? – небрежно бросила Александра названия, усвоенные из рекламы, и снова села за руль, чтобы загнать машину в гараж. – Ворота закроете? – попросила Петра Петровича, который, погружившись в размышления над тайнами качества шинной продукции, молча кивнул.

Кузя, удобно расположившись на диване перед телевизором, что-то жевал.

– Добрый вечер, Сашенька! – радостно пробасил он и поднялся навстречу, раскинув руки.

– Алексей Викторович! Вы когда соизволите мне ключ от дома отдать? – Александра увернулась от объятий. – Может, я с любовником приехала, а тут ты сидишь.

– Ага, ключ отдам, – пообещал он. – На таможенную тоже с любовником поедешь? – Все же бросил обеспокоенный взгляд ей за плечо. – А где ж любовник-то?

– Отстань! В багажнике, в пакете! – отмахнулась Александра, решительно направляясь к холодильнику. – Мне не до шуток, когда я голодная. Когда я голодная, убить могу!

– Голодная? – удивленно переспросил Кузя.

– Так спрашиваешь, будто обед приготовил, – она печально осмотрела содержимое холодильника и возмущенно воскликнула:

– А где мой сыр?

– Ты имеешь в виду такую ма-а-аленькую сухую корочку? – смущенно спросил Кузя, отводя глаза в сторону.

Она кивнула.

– Грустную такую, скукоженную? – на всякий случай уточнил он.

Александра подозрительно прищурилась и кивнула еще раз.

– Я, Сашенька, понимаешь ли, ее съел. Чтоб не мучилась. Переживешь?

– Всю?! – голосом, который шел из самой глубины измученного очередной диетой желудка, воскликнула она, гневно глядя на Кузю, который, старательно изображая смущение, съежился и вжался в спинку дивана.

– Это, между прочим, был мой обед! – сообщила Александра трагическим голосом. – Твердый сорт сыра с пониженной жирностью.

– Бедная моя, опять на диете, – фальшиво посочувствовал он.

– Теперь уже пошусь, – уточнила она. – По твоей милости, между прочим.

Вероломный пожиратель сыров виновато потупился.

– Не переживай, Сашенька. Там, в уголке холодильника, в фольге полкусочка еще осталось. И вот вино еще есть, – указал на открытую бутылку. – А я тебя после таможни в ресторана-анчик хотел сводить, – пряча змеиную усмешку, го-

лосом демона-искусителя протянул он. – Очень, кстати, прилично готовят. Особенно рыбу. Речную форель. Как в рекламе.

Александра, бросив на него негодующий взгляд, снова открыла дверцу холодильника, извлекла из фольги остатки сыра и с наслаждением принялась грызть низкокалорийный продукт, запивая красным вином – второй и последней составной частью диеты.

– Сашуль! – Кузя благоразумно решил перевести разговор на другую тему и потому ткнул пальцем в экран телевизора, где парочка ведущих, один средних лет в очках, другой помоложе, нежно переглядываясь и манерничая, беседовали с гостем передачи – субъектом с наглыми глазами, старомодно подкрученными усами, одетым в яркий пиджак в крупную клетку, с красным галстуком-бабочкой и руками в перстнях. Гость небрежно поигрывал курительной трубкой, вероятно, призванной подчеркнуть неординарность его личности и несомненную принадлежность к когорте великих, богемных и общественно-признанных. Закинув ногу на ногу и обнажив волосатую полоску кожи между брюками и краем носков, гость демонстрировал окружающим ботинок с золоченым мыском, который немедленно заморозил телеоператора концептуальностью кадра.

– А вот такой прикид у мужика, это как, по-вашему, называется? – живо поинтересовался Кузя.

– Ну посмотри сам на этого эпатажника, – Александра

проглотила кусочек сыра и сделала глоток вина. – Держит себя вычурно, театрально, перебивает собеседников, беседу переводит в собственный монолог. Типичная истероидная акцентуация, – поставила она диагноз.

– Ой, умная-я-я... – заискивающе протянул Кузя.

– Ладно, чего уж там! – примирительно проговорила она, медленно пережевывая сыр, чтобы растянуть удовольствие.

В связи с тем что отвлекающий маневр удался, пожира-тель сыров решил развить успех.

– Скоро на телевидении сексуальные меньшинства станут мажоритариями, – проговорил он глубокомысленно, снова указывая на экран, где сладкая парочка продолжала любезничать друг с другом, почти позабыв о госте программы.

– Только на телевидении? А у вас во власти? – разочарование по поводу сыра, съеденного поклонником, оставило в ее душе слишком глубокий след.

– А что у нас во власти? – Кузя изобразил недоумение.

– Не делай вид, что не знаешь. Сексуальная ориентация легко распознается по жестам, походке и мимике человека. Большинству людей требуется всего одно мгновение, чтобы безошибочно понять, кто именно перед ними в данный момент – гетеро- или гомосексуалист.

– Ну-у, – замялся Кузя, – и у нас встречаются, конечно, представители...

– Впрочем, – Александра сделала еще глоток вина, – среди мужчин с нетрадиционной сексуальной ориентацией есть

вполне приличные люди с точки зрения человеческих качеств и приятные в общении по сравнению с волосатыми обезьяноподобными особями, дышащими перегаром и тупостью.

– Ты шутишь? – удивился Кузя. – Педики – нормальные? Нормальные – это мы! – хлопнул себя ладонью по выпяченной груди. – Мужчины, ведущие здоровый образ жизни, – сказал, явно напрашиваясь на комплимент.

– Не шучу. Не забывай, что человек по природе своей андрогинен – в нем присутствует и мужское и женское начало. Под влиянием многих причин может произойти сдвиг, который...

– Вот именно, сдвиг! – перебил Кузя. – Когда в старом Уголовном кодексе была статья, гомики хотя бы этот самый сдвиг не демонстрировали.

– Во всяком случае, – Александра медленно, с видимым наслаждением дожевывала драгоценный продукт, постепенно успокаиваясь, – я знаю несколько чудесных ребят, мой стилист, например, – сказала с вызовом, намекая Кузе, что еще не забыла его дурацкую ревность, – которые отличаются от вас, гетеросексуалов, тем, что у них другое восприятие окружающего мира. Они способны любить, жертвовать собой ради любви, чувствовать прекрасное так, как вам и не снилось...

– Ага, чувствовать прекрасное! – передразнил Кузя, неожиданно хлопнув себя по бедру.

– Глупо, – пожала она плечами, – и печально, когда власть, с одной стороны, запрещает и разгоняет собрания геев и лесбиянок, являющихся полноправными гражданами страны, а с другой – награждает орденами и называет улицы именами лиц нетрадиционной ориентации, которые ей прислуживают. А в СМИ, – ткнула пальцем в экран, – и на эстраде не останавливает навязчивую пропаганду этих специфических отношений и их внешней атрибутики. Заметь, между мужчинами. Лесбиянки умнее! И скромнее! – сказала не потому, что действительно так думала, а потому, что последние были все-таки женщинами и женскую солидарность пока никто не отменял.

Остатки сыра были с сожалением отправлены в рот.

– Впрочем, как и все женщины вообще, – она с вызовом посмотрела на поклонника, ожидая услышать возражения, но Кузя почему-то решил не спорить.

– Ладно, – Александра облизнула пальцы, еще хранившие волшебный сырный запах, – пойду переоденусь, и поедем на таможню.

Кузя, расслабившись, откинулся на спинку дивана.

– Ключи от дома положи на стол. Последний раз прошу! – строго сказала она поклоннику.

Тот неожиданно покорно кивнул и с притворным вздохом извлек ключи из кармана.

– Дубликат тоже, – Александра приостановилась в дверях, но Кузя посмотрел таким невинным взглядом, что она ре-

шила не настаивать.

* * *

– Ты, блин, что ж, даже бабу до дома проследить не смог? Ничего нельзя доверить! Как бабки из шкатулки делить, небось, первым прибежишь? А дело простое сделать слабо...

– А что я? На посту на выезде из города мент ей козырнул, а меня тормознул.

– Козырнул-тормознул. Ты хоть фамилию ее узнал? Как-как! По номеру тачки. База данных гаишная на каждом углу продается...

* * *

На таможеню они с Кузей съездили впустую, если не считать радушного приема, оказанного местным начальством. Да что толку? А еще говорят, что они там все могут просветить.

«Мы не можем дать определенного заключения, позволяющего идентифицировать природу того, что находится внутри шкатулки», – мысленно передразнила Александра таможенника, битых пятнадцать минут нажимавшего кнопки на своем аппарате. А потом на другом, потому что первый вроде как стал глючить. Впрочем, второй тоже. Он даже собаку

приводил понюхать. А на ее простой вопрос о том, есть ли в шкатулке вообще хоть что-нибудь, только растерянно пожал плечами. «Во всяком случае, драгоценностей и наркотиков там точно нет». Кузя даже расстроился. Впервые не смог исполнить ее желания.

Александра поднялась на второй этаж в небольшую, обитую вагонкой комнату, носившую гордое название «кабинет», потому что в ней уместились небольшой письменный стол, кресло и книжные полки, забитые специальной литературой, поставила шкатулку на стол и немного посидела на диване, задумчиво поглядывая на таинственный предмет с неизвестным содержимым. Потом переделась в джинсы и рубашку в клетку, завязав ее по давней привычке узлом на животе, и села в кресло.

«Может, позвонить Онуфриенко и поставить условие: пусть или говорит, что в шкатулке, или вообще забирает? – подумала она и протянула руку к мобильнику. – Нет, глупо. А вдруг и правда согласится забрать?»

Не успела убрать руку, как мобильник зазвонил. Она сдвинула крышечку. Номер не определился. Нажала кнопку соединения.

– Александра? Добрый вечер, это Александр... Онуфриенко, – пояснил на всякий случай «хороший человек». Будто можно было не узнать.

«Легок на помине», – подумала она.

– Добрый вечер, Александр, – сказала почти равнодушно,

чтобы скрыть радость.

– Как ваши дела? У вас все в порядке? – спросил Онуфриенко таким тоном, будто что-то почувствовал.

Александра неопределенно промычала, подразумевая, что все, конечно, могло бы быть в порядке, если бы не одна неразрешимая проблема, которую он же и создал.

– А я, значит, сижу сейчас и думаю, кто это дергает меня на тонких планах? Не вы ли? Признавайтесь.

«Может, спросить про шкатулку? – заколебалась она. – Так ведь спрашивала уже».

– Признаюсь. Минуту назад думала, какой бы повод найти, чтобы вам позвонить.

– А вы не ищите повода. Нам эти церемонии не нужны. Знаю, хотели про шкатулку, небось, спросить?

– Я? Про шкатулку? – Возмущенное недоумение удалось изобразить настолько хорошо, что Онуфриенко быстренько сменил тему.

– А что вы сейчас делаете? Подождите. Я вам сам скажу. Сидите и пытаетесь работать. Работа не складывается. Мысли растекаются. Я прав? А вы посмотрите-ка, сегодня 19-й лунный день. Ничего хорошего он не сулит. Так что и не мучайте себя зря. А вот завтра у нас 20-е лунные сутки. Поездки и новые дела весьма благоприятны. Я, собственно, чего вам позвонил? Вы, помнится, сказали, что в Египет собираетесь.

– Разве? – удивленно спросила Александра, силясь при-

помнить, действительно ли такое было.

Онуфриенко, будто не услышав, продолжил:

– Так вот, мне сегодня Исида сказала, что ехать туда надо, – он сделал паузу, – мне самому. Нет желания присоединиться? Я много чего интересного могу показать.

– Не знаю, я не решила пока, – неопределенно ответила Александра, хотя предложение показалось ей заманчивым. Удача шла прямо в руки. Посмотреть Египет глазами НФР! В том, что Онуфриенко и есть НФР, она практически уже не сомневалась. Особенно после слов про Исиду.

– Ну, значит, решайте! – почти равнодушно сказал он. – Если надумаете, позвоните. Я лечу в следующий вторник. Билет уже купил. Остановимся у египтологов, – сказал, как о чем-то уже решенном. За нее. А она за себя все решает сама. Всегда.

– Договорились! А как мне вас в Каире найти, если все-таки полечу? – поинтересовалась Александра.

– Проблем не будет. Наш мир тесен, – сказал Онуфриенко, выделив слово «наш».

Уточнять про «наш» мир она не стала. Пока.

– Кстати, скажите, Александр, а вы когда родились?

– Я? – Онуфриенко помолчал. – Видите ли, Александра, эзотерики не открывают дату своего рождения.

– А вы разве эзотерик? – Она изобразила удивление. – Ну хорошо. А хотите, я попробую угадать день, в который вы справляете именины? Двенадцатого июня. Нет?

Короткие гудки неожиданно отсоединившегося телефона позволили предположить, что она права.

* * *

«Человек земли, очнись! Очнись от сна невежества. Будь вдумчив. Пойми, что твоим домом является не земля, но Свет. Измени свой ум. Уйди из тьмы. Это говорю тебе я, Трижды Величайший, – высокая фигура в широком белом одеянии склонилась над его изголовьем, испытующе глядя прямо в глаза. – А теперь следуй за мной».

Соловьев спустил ноги с кровати, которая неожиданно оказалась будто и не в меблированных комнатах миссис Сиггера, а в темном и холодном помещении, похожем на склеп. И это его совсем не удивило. Ступая босыми ступнями по прохладному камню, он пошел за провожатым, стараясь не отставать, чтобы не заблудиться впотьмах. Тот шел по лабиринту, не останавливаясь и не оборачиваясь, уверенно поворачивая то влево, то вправо. Вдруг вдали забрезжил свет, теплый и манящий, с каждым шагом становившийся все ярче и ярче, пока перед глазами не возник проход, вырубленный в скале, полукруглый, неровный, со сколами камней, в котором исчез, словно растворился, провожатый. Соловьев последовал за ним и очутился в огромном зале с колоннами. В центре зала на возвышении сидела...

– Мистер Владимир, вы просили вас разбудить! – Резкий

стук в дверь и голос миссис Сиггерс ворвались в сон. – Вы слышите, мистер Владимир?

– Слышу, – пробормотал он, приподняв голову и снова уронив на подушку, все еще надеясь продлить прерванное видение.

– Мистер Владимир, просыпайтесь! – настойчиво повторила хозяйка.

– Спасибо, миссис Сиггерс, я проснулся, – откликнулся он, с силой зажмурил глаза и, открыв их, огляделся.

«Да, на дворец с колоннами, прямо сказать, не похоже, – огорченно подумал он. – Черт бы побрал эту миссис Сиггерс... «Трижды Величайший», – вспомнил он. – Нет сомнений, мне только что являлся Величайший среди жрецов, Величайший среди философов, Величайший среди всех царей, Мастер всех наук и искусств, Знаток всех ремесел, Писец Богов и Хранитель Книг Жизни – Гермес Трисмегист, Трижды Великий и Величайший, считавшийся древними египтянами воплощением Универсального Ума».

Соловьев сел на кровати и задумался. В египетских изображениях Тот-Гермес чаще всего был запечатлен записывающим на восковой табличке результаты взвешивания душ мертвых в Судном зале Осириса. Гермес особо чтился масонами как автор ритуалов посвящения, заимствованных ими из мистерий. Да и то сказать, почти все масонские символы являлись герметическими по своему смыслу.

– Мистер Владимир, так вы проснулись? – Голос миссис

Сиггерс, и без того не отличающийся приятностью, на этот раз показался просто омерзительным.

– Да-да, благодарю вас, – громко сказал Соловьев и поморщился, словно от зубной боли.

«Попробуй тут не проснуться», – подумал он.

У него сильно кружилась голова. Так бывало всегда, когда его неожиданно вырывали из подобных снов.

«Ну да ничего, несколько вдохов, выдохов, стакан холодного сладкого чая маленькими глоточками, и головокружение пройдет», – решил он, поднялся, наполнил раковину холодной водой, умылся, допил вчерашний холодный чай из стакана, стоявшего на прикроватном столике, оделся и вышел на улицу.

На небе неожиданно ярко светило солнце, которое, будто стесняясь своей лучистой красоты, время от времени скрывалось за тяжелыми, напившимися осенней влаги облаками. До открытия библиотеки оставалось еще около получаса, и Соловьев, решив немного пройтись, свернул в переулок, чтобы удлинить маршрут.

К своим сновидениям он всегда относился серьезно. И для этого имел все основания. Сны, как он считал, окна в другой, неведомый мир, в них он был во власти пророческих или таинственных видений, часто даже беседовал с усопшими. Это происходило не единожды, но никогда по его желанию. Умершие друзья, знакомые или родные приходили к нему сами, неожиданно и так же неожиданно исчезали, вся-

кий раз не договорив чего-то, как ему казалось, самого важного. Разговор с ушедшими в мир иной был всегда безмолвен и похож на беседу двух душ, которая велась на ведомом только им языке. Проснувшись, он ругал себя – отчего не спросил о том или об этом, но вопросы во сне всегда приходили сами, помимо его воли, да и ответы зачастую становились понятными не сразу. Сегодня Гермес вел его в храм, где, вероятно, обитала Великая Богиня. Он хорошо запомнил египетские орнаменты, украшавшие стены и потолок, колонны, расширяющиеся вверху, словно бутоны диковинных лотосов. Все это говорит о том, что сегодня ночью он был в Египте.

Он вдруг услышал стук поднимаемой рамы и едва успел отпрыгнуть в сторону от потока воды, хлынувшего сверху. Придерживая рукой шляпу, поднял голову. Молодая женщина в чепчике, из-под которого выбивались рыжие вьющиеся волосы, и в белой широкой блузе с завязками на пышной груди, поспешно убрала медный таз и захлопнула окно второго этажа.

«Вот так всегда, – с усмешкой подумал Соловьев. – Не дают, никак не дают думать о возвышенном. Только над землей поднимаешься, а тебя – бац! – по башке. Хорошо хоть таз не выронила!» Он перешел на другую сторону переулка и поспешил выбраться на широкую улицу, чтобы быть подальше от окон домов.

«Видение пришло после встречи с „северной Сивил-

лой“, – размышлял он. – Значит, встреча не была случайной, хотя вначале мне показалось, что не дала ничего, кроме щекочущего нервы осознания некоторой своей значимости в мире мистическом, прельщающем меня более, чем мир материальный».

И то сказать, он спокойно мог обходиться без еды и питья, ограничивать себя в одежде, хотя – чего скрывать! – при возможности любил пофорсить, однако без подобных видений, случавшихся с ним во снах, и событий, происходящих наяву, он бы не смог жить. Соловьев ощущал себя неким пограничным столбом, окрашенным в черно-белую полосу, стоящим на границе черного и белого миров, хозяевами которых были зло и добро. Чем дольше он жил, тем яснее ощущал, сколь узка эта граница. Да и сам он помимо желания оказывался то по одну ее сторону, то по другую. Сегодняшний радостный, светлый, торжественный сон – из мира светлого, но всего несколько дней тому назад был другой сон, где он встретился с чертом, который в этот раз назвался злым духом Питером. Впрочем, черт уже однажды являлся ему в Москве в самое, надо сказать, неподходящее время. Причем не ночью во сне, а наяву, став реальностью, вызванной воображением. Он тогда сидел в тиши комнаты и глядел туда, где над кроватью висела старинная литография, купленная им по случаю у одноглазого московского букиниста Якова, с изображением женщины в развевающемся плаще, стоящей на тонком полумесяце босыми ногами, с венцом из двенадцати звезд над

головой, прижимающей к себе младенца. И ниже подпись, чуть стершаяся от времени, но проступающая достаточно явно, чтобы прочитать: «Непорочная Исида, мать Бога Солнца, слова которой высечены на храме в Саисе: «Плод, мною приносимый, – Солнце». В голову ему тогда пришли строки из Откровения Иоанна Богослова: «И явилось на небе Великое Знамение: Жена, Облеченная в Солнце, под ногами ее Луна, а на главе ее венец из двенадцати звезд»... Он смотрел и смотрел до боли в глазах... И в тот самый момент, когда вдруг приятно сжалось сердце от предчувствия, перед его глазами возникло мерзкое, вертлявое, хвостатое существо, которое, корча рожи, сначала пыталось ухватить его за нос, а затем, когда это не удалось, принялось щекотать лицо кончиком хвоста. Пришлось даже прикрикнуть на нечистого, да еще и, замахнувшись, отпугнуть как следует. Только вместе с нечистью пропал и образ.

...Ровно через полчаса Соловьев входил в огромный читальный зал Библиотеки Британского музея на Грейт-Рассел-стрит, поразивший его при первом посещении не столько гигантским куполом, чудесным творением инженерной мысли Сиднея Смерка, сколько невообразимым количеством окружающих книг и рукописей, таящих знания и тайны прошлого. Книжки смотрели на него со всех сторон, внимательно и строго, будто пытаясь заглянуть в душу и понять, кто он – праздный гуляка или человек достойный, которому можно вручить сокровенную мудрость предков. Он при-

остановился при входе и с удовольствием вдохнул чуть кисловатый запах дерева, из которого были сделаны шкафы и полки, запах, полюбившийся ему с детства. Так пахло в кабинете отца, привившего ему любовь к «ее величеству Книге». В столь ранний час посетителей еще не было, однако величественная, как статуя Командора, библиотекарь мисс Литтл уже возвышалась над своим огромным столом. Она, проработавшая в библиотеке много лет, знавшая почти наизусть все фонды и способная без промедления дать справку о наличии той или иной книги, была под стать древним манускриптам – такая же молчаливая и бесценная. Библиотека заменила ей семью, потому что семьи у нее никогда не было. Книги же стали ее детьми.

– Доброе утро, мистер Владимир! Прекрасная погода, не так ли? Согласитесь, сегодня намного лучше, чем вчера! – произнесла мисс Литтл, близоруко щурясь.

– Рад вас видеть, мисс Литтл. Надеюсь, завтра погода будет не хуже, – обменялись они фразами, обязательными, как бой часов на Биг-Бене.

– Вы, как всегда, первый. Ваши книги на столе, – сообщила она и, надев очки, принялась привычно перебирать заявки читателей.

Соловьев опустил на стул и ласково провел ладонью по крышке стола, как по крупу любимой лошади, застоявшейся в стойле в ожидании хозяина.

«Ну, все-все, здравствуй, я уже здесь», – мысленно сказал

он, взял из стопки одну из книг и начал перелистывать страницы, еще раз пробегая глазами прочитанное вчера.

«Ничего важного не пропустил», – удовлетворенно отметил он, взял другую в толстом кожаном переплете под названием «Библиотека герметической философии» и углубился в чтение, отрешившись от всего вокруг.

...«У язычников день рождения солнца приходился на 25 декабря, – размышлял он, оторвавшись от книги. – Когда тьма зимы была преодолена, славный сын света возвращался... Да и у римлян за восемь дней до январских календ, то есть 25 декабря, праздновался приход солнца... Господи, как же все просто... Значит, рождение Сына Божьего совпадает...» – Он услышал чье-то покашливание и, нахмурившись, поднял глаза.

– Мистер Владимир, вам нездоровится? – вернула его к действительности мисс Литтл, стоящая перед его столом со стопкой книг в руках. – Вы смотрите на меня таким взглядом, как будто я предлагаю вам взять не заказанные вами же книги, а бокал, наполненный смертельным ядом.

– Простите, мисс Литтл, задумался, – он поднялся, взял книги из ее рук и положил на край стола. – Смертельный яд, говорите? А что, разве бывает яд не смертельный? – улыбнулся он.

– Бывает, мистер Владимир, – по лицу мисс Литтл тоже скользнула улыбка. – Яд, который называется любовью. Яд любви, – уточнила она. – Он подтачивает силы, лишает чело-

века разума, но не убивает. Так что никогда не пейте напитков, преподносимых вам незнакомками, как бы прекрасны они ни были. Никогда! – Ее рот растянулся в неожиданной улыбке, обнажившей бледные десны со слишком длинными передними зубами.

– Я непременно последую вашему совету, мисс Литтл, – благодарно склонил он голову, пряча веселый блеск в глазах.

«Счастливей человек, – подумал он, – живет среди своих книг, и ничего ей в жизни больше не надо».

«Несчастней человек, – подумала мисс Литтл, – если проживет свою жизнь среди книг, забыв обо всем остальном».

Зал постепенно наполнялся читателями. Были они поутру сонно-серьезны и молчаливы, выдавливая из себя лишь несколько слов, когда по правилам хорошего тона следовало поддержать разговор с мисс Литтл о погоде.

Соловьев работал, не замечая никого. Книга поглотила все его внимание. Читал, делая заметки в толстой тетради, время от времени отрывался от чтения и, покусывая кончик карандаша, погружался в размышления. Изучение религий все больше убеждало его, что каждый учитель, посвящая свой народ, облакал учение в аллегорические символы, мифы и сказания, привлекательные по форме и понятные по смыслу, как простейшие формулы, которые были видимой, надводной, экзотерической частью айсберга. А значит, существовала и другая – эзотерическая – для избранных учеников. Эта подводная часть, скрытая от непосвященных, пе-

редавалась из уст в уста, от учителя к ученику, от ученика, ставшего учителем, следующему ученику, как ключ к двери храма знаний. И каббала, происхождение которой относилось к эпохе Моисея, не была исключением, являясь самым полным из дошедших до наших дней сборником наставлений, почерпнутых из древнеегипетских мистерий. Но ключом обладали единицы. Передача эзотерического знания стала очевидной ко времени Пифагора, получившего посвящение, так же как и Моисей, из одного источника, имя которому – Египет. Моисей, избирая посвященных, названных левитами, передавал предание наиболее достойным. Учение Пифагора сохранилось благодаря тому, что было подхвачено последователями его школы в Египте и Греции. Словесное предание сохранилось до самого Христа, который, объясняя в Нагорной проповеди ученикам значение притч, лишь любимому ученику Иоанну открыл все тайны древнего эзотерического знания.

«Но откуда же проистекает отчуждение современного ума от христианства? – размышлял Соловьев. – Может быть, потеряны ключи от храма знаний, а людям уже недостаточно того, что лежит на поверхности? В этом случае человечество сможет и должно духовно возродиться лишь при осуществлении синтеза всех религий, с сохранением положительных моментов каждой из них. Нет на свете ничего бесплодного и бесполезного, и человек всегда не прав, когда он что-либо отрицает, особенно философ, процесс мышления которо-

го должен проходить под знаком всеединства. Следует всегда заимствовать рациональное и идти вперед, не разрушая, а созидая. Надо работать над теоретической стороной, и надо не бояться признавать ошибки. Почему в христианской Троице не нашлось места женскому началу? Оно заменено Святым Духом, но ведь если обратиться к славянской мифологии, Троица – это три лика, Отец, Сын и Мать, и именно Мать дает жизнь Сыну, а потом Сын становится Отцом. Откуда пошло унижение женщины и извращенное понимание супружества? Библейский миф о Еве сверг с престола Великую Богиню-Мать и знаменовал конец матриархата, в котором женщина занимала главенствующую роль, и положил начало патриархального уклада жизни. А ведь на всех континентах Земли через пространство и время сохранилось родство культов Великой Матери. Да и ранняя христианская церковь допускала к служению женщин-дьякониц, и они богослужили наравне с мужчинами и в древности, и в Средние века в греческих и латинских храмах».

Правый висок Соловьева внезапно сдавила пульсирующая боль. Он уже знал, что это означает. Склонность к «автоматическому письму» была еще одной странностью, которой он был награжден – или наказан? – совсем недавно. Он открыл чистую страницу в тетради и поднес карандаш к бумаге, словно превратившись в простое орудие письма, коим свыше водила неведомая рука. Через мгновение карандаш начал вести свой, независимый от его, Соловьева, воли и ра-

зума разговор с бумагой, оставляя на ней фразы, слова и знаки, лежащиеся друг за другом совершенно иным, незнакомым почерком. Внезапно в глазах потемнело и голова его обессиленно упала на стол.

– Мистер Владимир, мистер Владимир, – услышал он взволнованный голос и, подняв голову, увидел своего приятеля Ревзина и растерянную мисс Литтл со стаканом воды в руке. – Выпейте воды, мистер Владимир, – встревоженным голосом проговорила величественная дама, лицо которой зарделось от волнения. Она будто даже стала меньше ростом, соответствуя своей фамилии.

– Ну, дружище, и устроил ты переполох, – вполголоса сказал Ревзин, покачав головой. – Выпей-ка воды! Небось, опять не ел ничего?

Соловьев выпрямился, откинулся на спинку стула и даже попытался улыбнуться так, будто случившееся не имело к нему никакого отношения. Только пальцы рук, оставшихся лежать на крышке стола, немного подрагивали, словно еще продолжали что-то записывать.

– Пейте же! – приказала мисс Литтл строгим голосом и поставила стакан с водой на стол.

– Мисс Литтл, – Соловьев наконец взял стакан и глянул озорно, – а кто меня давеча предупреждал не пить напитков, преподносимых дамами, как бы прекрасны они ни были?

Мисс Литтл тоже улыбнулась, но, оглядевшись по сторонам, приложила указательный палец к губам и, прямо держа

спину, направила к своему месту.

Ревзин же наклонился к столу и прочитал написанные неровным почерком строки.

«Великий человек вмещает в себя трех людей – человека духовного, человека разумного и человека душевного. Нормальный пол человека душевного есть женский, человека разумного, который есть супруг души, – мужской, дух же – выше этих различий».

– Да-а, господин Соловьев. Не зря Сивилла просила вас беречь голову, – усмехнулся Ревзин. – Кабы тебе умом не сдвинуться. Ну, пойдем, что ли, подышим? – Он взял приятеля под руку и помог подняться. – А то неровен час выгонят тебя за нарушение правил тишины и спокойствия, что будешь делать?

Они вышли на площадку к лестнице.

– Пойми, Владимир, отдыхать тебе надо, вот что я скажу! – продолжил Ревзин и, заметив зеркало на стене, машинально поправил манжеты и воротник крахмальной рубашки.

– Довольно браниться, Саша, – Соловьев привалился к подоконнику. – Ты же знаешь, я не без странностей, – добродушно улыбнулся он, обнаружив ранние морщинки в уголках глаз. – Но делаю это специально для женского полу, чтоб привлечь их внимание, – почти весело посмотрел на приятеля. – Видел там, в зале, одна-единственная особа этого самого пола? В темно-зеленом платье, рыженькая? Конопущечки

здесь, здесь... – принялся быстро тыкать себя пальцем в лицо, шею, руки и грудь.

– Как это ты под платьем разглядел-то? – развеселился Ревзин.

– А у меня образное мышление хорошо развито! – засмеялся Соловьев, но вдруг оборвал смех, услышав бой часов. – Сколько пробило? – нахмурился он, будто не поверил.

– Шесть.

– Да неужто шесть? – изумился он. – Ничего себе я заработался! Опять, понимаешь ли, «автоматическое письмо» на меня опрокинулось.

– Не только письмо автоматическое, но и значки я у тебя в тетради краем глаза углядел, – Ревзин глянул вопросительно. – Сейчас не хочу докучать расспросами, но... что за значки там у тебя в тексте? Шифр какой?

– Да-да, значки... Понимаешь, – Соловьев оживился, – в прошлый раз тоже много знаков было... и символов... И вот что интересно, безо всякого с моей стороны ожидания я обнаружил, что они восходят ни много ни мало к традициям герметической египетской религии.

– Так ты считаешь герметизм египетской религией? – поинтересовался Ревзин.

– Пару раз даже упоминание было имени ее основателя Гермеса Трисмегиста, или Трижды Величайшего. Он, кстати, ко мне сегодня приходил, – сказал Соловьев вполголоса, подавшись к приятелю.

– Гермес? В библиотеку? – невозмутимо уточнил Ревзин, пряча улыбку.

Соловьев не успел ответить, потому что из читального зала вышла мисс Литтл и направилась к ним. Лицо ее, видимо, с целью скрыть багровые пятна, выступившие от волнения, было обильно присыпано пудрой, что в сочетании с высокой прической и открытым лбом придавало ей сходство с королевской особой.

– Господа, изволите ли вы продолжать занятия или на сегодня уже достаточно? – спросила она, многозначительно посмотрев на Соловьева.

– Да-да, дорогая мисс Литтл, – смущенно улыбнулся тот, – уж, пожалуй, довольно на сегодня. Благодарю вас. Книги оставьте на мое имя, я еще с ними завтра поработаю. Подожди минутку внизу, я только тетрадь возьму и вещи, – попросил он приятеля и направился в читальный зал.

Через полчаса Ревзин, поднявшись по лестнице, обнаружил Соловьева сидящим на верхней ступеньке с открытой тетрадью в руках.

– Ой, Саша! – радостно воскликнул тот, поднимаясь. – Я только на минутку присел.

– Да ладно, чего уж там, – снисходительно улыбнулся Ревзин. – Говорил же я тебе, что Библиотека Британского музея как ловушка. Кстати, как думаешь, Владимир, лет этак через сто – сто пятьдесят потомки, верно, будут снисходительно посмеиваться над нашими духовными исканиями и

иллюзиями?

– Над техническими достижениями, может, и будут, а что же касается души... – Соловьев задумался. – Вечное не устаревает. Дай-то им бог до позабытых высот древней философской мысли подняться, к коим мы сейчас заново притрагиваемся...

* * *

Клуб «Артефакт», куда приехала Александра, обосновался в уютном московском переулке в обветшавшей снаружи, но вполне сохранившейся внутри исторической постройке, в которой в советские времена располагалось общество то ли трезвости, то ли научного атеизма. А может, и оба вместе, потому как неизвестно, что тогда было важнее для человека новой исторической общности – не пить или не верить в Бога. Старинный особнячок неведомым образом укрылся от зорких глаз городских чиновников, жадных до всего муниципального недвижимого имущества, как по мановению волшебной палочки превращавшегося в иномарки, породистых жеребцов, предметы роскоши и иные милые вещицы, способные порадовать глаз и скрасить скучную, монотонную и низкооплачиваемую службу на благо вечно недовольных жителей города. На самом деле никто точно ничего не знал. Поговаривали даже о том, что, по указанию некой жены некого высокопоставленного лица, строение было зарезервиро-

вано карандашной галочкой в обширном списке городской недвижимости и в результате даже не включено в городской реестр. А может, просто номер перепутали. В адресный реестр внесли один, а на дом повесили табличку с другим. Разве ж уследишь за всем в таком большом хозяйстве? А потом супруга этого самого лица, закрутившись в вечной женской суете и хлопотах по бизнесу, вроде как потеряла интерес к объекту. Но ведь кто знает этих женщин? Сегодня потеряла, а завтра снова найдет и строго спросит. Карандашную галочку в списке ведь никто не отменял. Потому осторожные управские чиновники постройку от коммунальных благ на всякий случай не отключали, глупых вопросов вслух не задавали и на открытые торги дом выставлять остерегались. Да и что там выставлять, если ни в реестре, ни в регистрационной службе записи нет? Благодаря этому невероятному стечению обстоятельств дом-призрак продолжал существовать, и вольнодумная общественность хорошо знала где, потому что регулярно здесь собиралась еще со стародавних времен заката перестройки, похоронившей гигантского идола с многосложным именем «идеологическая борьба двух мировых систем», решавшего за неразумных жителей страны, «что такое хорошо и что такое плохо», и безжалостной рукой отправлявшего мотать сроки любителей просмотра на экзотических тогда видеомагнитофонах «Греческой смоковницы» и прочей разлагающей западной кинопродукции, которая (и до сих пор не понятно) то ли еще эротика, то ли уже порно-

графия. Впрочем, какая разница для прокуроров страны, в которой семьдесят лет не было секса? Разве что иногда, кое-где, по ночам и очень-очень тихо, чтобы не побеспокоить соседей за тонкими перегородками коммуналок.

В последнее время Александра не раз бывала в клубе, не упуская случая поучаствовать во всех заметных мероприятиях, хоть как-то связанных с ее египетской темой, и пообщаться с людьми, которых маман, скептически настроенная ко всему необычному, необъяснимому и непонятному для ее безусловно «здорового» ума, уже успела окрестить едким словечком «пирамидиоты». Сама Александра не была столь категорична. Потому что диагноз ставила только после обследования. А симптомы... Симптомы еще не повод для диагноза.

Вход в клуб был свободным, чай с печеньем и сушками бесплатным, темы для обсуждений интересными, а люди... Какие люди сюда приходили! Какие страсти кипели по вечерам! Какие потрясающие беседы велись! Высказаться мог каждый. Промолчать тоже. Свобода молчания порой дороже свободы слова, потому как шелуха слов скрывает мысли, как скорлупа плод. Публика в клубе была терпеливой и доброжелательной. Почти всегда. Александра обычно садилась в последнем ряду, наблюдала и слушала, стараясь оставаться незаметной, а в собственных суждениях – отстраненной и беспристрастной. И в этот раз, войдя в просторный балльный зал с колоннами, заставленный разномастными стульями

ми, присела с краю рядом с Сережей, уже знакомым ей молодым человеком, студентом юридического вуза, почему-то променявшим молодежные вечеринки в стиле «рэп», «хаус» и «ар-н-би» на немодные заумные беседы.

– О чем шумим сегодня? – спросила его вполголоса.

– Видите ли, Александра, – наклонившись к ее уху, глубокомысленно начал Сергей, который, по его же собственным словам, как будущий юрист отвечал на вопросы не потому, что знал ответы, а потому, что его спрашивали, – как бы это покороче сформулировать. Шумим о христианстве и гностицизме. Сегодняшняя первая битва разыгралась прямо с марша, – продемонстрировал он знание терминологии, видимо, полученное на военной кафедре. – Докладчик неосторожно заявил, – Сергей наморщил лоб и будто включил на воспроизведение звукозаписывающее устройство – память у него была феноменальная, – что «люди с сильным умом были отторгнуты от христианства, с одной стороны, примитивностью религиозных идей, предлагаемых церковью, с другой – теми противоречиями, которыми изобилуют авторитетные писания, и такими взглядами на Бога, человека и Вселенную, которые не приемлемы для развитого интеллекта». А потом еще, – он беззлобно улыбнулся, – уж очень круто по церковным догматам прошелся. Говорит: «Да велика ли разница для христианина, в какую сторону крестным ходом ходить – по ходу солнца, как старообрядцы, или навстречу ему? Или как креститься – слева направо или справа налево? Одним

перстом, двумя или тремя? У всех христиан символ веры один – крест! А перекрестие – канал общения с Творцом». В общем, христиане всех стран, соединяйтесь! – негромко засмеялся он, но затих под взглядом лектора, брошенным в его сторону. – Некоторые соединиться не захотели и сразу покинули зал, – шепотом закончил он пояснения.

Александра огляделась. Публика, как всегда, собралась разнородная, хотя лектор, мужчина средних лет с профессорской бородкой, похоже, был хорошо известен большинству присутствующих, которые пришли сюда пообщаться с одним из тех, кто с удивительной для ученого мира легкостью и щедростью, похожей на расточительность, разбрасывал неожиданные, порою шокирующие сведения, заставляющие по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные факты и события.

– Таким образом, – лектор, оглядел аудиторию поверх очков с толстыми стеклами, – никогда не существовал монолит под названием «христианство». Но когда мы говорим о множестве разновидностей раннего христианства, в первую очередь о христианстве гностическом, особо подчеркиваем, что в тот период продолжала достаточно свободно развиваться философская мысль, не чуравшаяся знаний из древних, отнюдь не примитивных религиозных культов, в том числе герметической религии Древнего Египта.

Александра уселась поудобнее.

– Вот мы и подошли наконец к теме гносиса и гности-

цизма, – сказал лектор, видимо, подразумевая, что все сказанное до того было лишь разминкой. – Что означает слово «гносис»? – задал он вопрос. – По-гречески «гносис» означает «знание» или «понимание» и подразумевает духовное или научное прозрение. Но обычно это слово употребляют применительно к духовным учениям, процветавшим в самом начале эры христианства. В таком контексте обозначалось спасительное духовное знание, как правило, тайное или эзотерическое, открывающее душе ее истинное происхождение и предназначение. Слово «гносис» появляется и в Новом Завете, и Павел, первый новозаветный писатель, пишет о гносисе как об одном из духовных даров. Термин «гностицизм», обозначающий общее движение на пути прозрения, появился лишь в восемнадцатом веке. В гностической теме мир света, пробуждения души и знания противопоставляется миру тьмы, сна души, забвения и материи. В этой связи неплохо было бы вспомнить об алхимии, но это тема для отдельного разговора.

В сумочке Александры завибрировал мобильник. Она сдвинула крышку и посмотрела на экран.

«Все мужики – козлы! – сообщила эсэмэска. – Позвони».

«Ленка», – поняла она и усмехнулась, предчувствуя неизбежное сладкое самоистязание от предстоящего разговора. С Ленкой, когда-то эффектной, по-кошачьи грациозной, кареглазой девицей, а ныне сильно располневшей дамой с двойным подбородком и скептическим взглядом на жизнь, отрав-

ленную существованием таких «козлов», как бывший муж, они познакомились много лет назад. Точнее, их познакомил тот самый «козел», который, понятно, тогда еще таким не назывался. Напротив, красавец-культурист с бархатисто-ласковым голосом, всегда в расстегнутой почти до пояса рубашке с коротким рукавом, обнажавшей его накачанные грудные мышцы и бицепсы, был похож на античную музейную скульптуру, на которую по недосмотру надели брюки. Впрочем, нет, скорее на аппетитную, намазанную медом булочку, вокруг которой роились бывшие, нынешние и будущие поклонницы. Александра усмехнулась и даже встряхнула головой, чтобы отогнать воспоминания и заставить мысли вернуться в настоящее.

– ...Одни люди, – продолжал лектор, – как в античные времена, заняты неустанной погоней за деньгами, престижем и властью, не задумываясь о том, что придает жизни ее истинный смысл. Но во всякую эпоху находятся такие, которым мало одной видимости – они стремятся проникнуть в самое сердце реальности. В отличие от нас, в большинстве своем оценивающих все вокруг себя в духе традиционного антагонистического дуализма...

– Который люди, собственно, и называли «диаволом», – небрежно сказал Сережа, то ли размышляя вслух, то ли демонстрируя эрудицию перед ней.

– ...то есть все попарно: черное и белое, он и она, правильно и неправильно, добро и зло, – продолжил лектор, бро-

сив удивленный, но одобрительный взгляд в сторону Сергея, – гностики были выше примитивного дуализма и выделяли три рода людей: «перстный», что означает вещественный или материальный... Вспомните в этой связи пушкинские строки про «наперсников разврата», – он сделал паузу и оглядел аудиторию. – Какое изумительно точное употребление слова! – воскликнул с восторгом. – Другой род – «душевный», он же психический, третий – «духовный», или, как они его еще называли, пневматический.

Сережа неожиданно хмыкнул. Видимо, слово «пневматический» у него вызывало другие ассоциации.

– Гностики считали, что душевный род может стремиться либо к духовному, либо к материальному, – лектор сделал паузу, давая время всем оценить сказанное. – Если выбирает духовное – спасется, если вещественное – уподобится перстному роду, пребывающему во тьме кромешной, в полном неведении относительно высшей реальности. В область же божественного бытия без потерь возвратиться могут только пневматики...

«Люди перстные, душевные и духовные. Неплохо!» – подумала Александра, мысленно пополняя собранную в «Артефакте» коллекцию дефиниций. «Люди быта и люди жизни», «люди материальные и люди духовные», «люди горизонтальные и люди вертикальные», «люди низкочастотные и люди высокочастотные» – количество уже известных ей определений, подчеркивающих разницу, было велико. В от-

личие от привычного для нее профессионального деления людей на больных, здоровых и относительно здоровых эти определения почти непреодолимым барьером разделяли людей на две группы, как жителей разных планет. Но все они действительно были как «черное» и «белое», как «да» и «нет», в них отсутствовало промежуточное звено, включавшее тех, кто находится на границе и может выбрать дорогу вверх либо вниз или же остаться на месте.

«И Владимир Соловьев считал себя вот таким же „пограничным столбом“», – вспомнила она прочитанное вчера.

– «Душевные» в большинстве своем хорошие, добрые, зачастую набожные люди, – лектор бросил взгляд на женщину в первом ряду, даже в помещении не снявшую платок с головы, – в начале жизни перенимают, а потом ревностно охраняют чужой опыт, придуманные когда-то кем-то модели поведения и обряды, заботясь только о точности повторения. Но они становятся нетерпимыми, а порой и агрессивными, когда кто-либо осмеливается усомниться в правильности столетиями отстраиваемой процедуры и привычного уклада той части их жизни, которую они считают религиозной. Однако религия лишь первая ступень, первый этаж духовности, на котором еще нужны определенные правила и организация, предлагаемые церковью. Но для чего люди приходят в храм? Для того, чтобы выполнять обряды, или для того, чтобы в тишине один на один пообщаться с Богом? Так нужны ли посредники? – задал он вопрос. – Несомненно, нужны.

Тем, кто не знает, как общаться. На первой ступени священники в храмах подобны школьным учителям, овладевшим простейшими навыками и приемами, – снова посмотрел на женщину в платке, спина которой, как заметила Александра, напряженно выпрямилась. – Другие же люди, которых гностики называли «духовными», быстро освоив опыт предыдущих поколений и проанализировав его, вырываются за рамки догматического мышления и стандартных моделей, создают свой собственный метафизический или материалистический взгляд на мироздание. Главным для них является свобода мысли и выбора. Именно они горели в Средние века на кострах инквизиции, отлучались от церкви и предавались анафеме, осуждались и порицались большинством, но без них – «белых ворон», романтиков-утопистов – человечество было бы обречено на вечное средневековье, – лектор отпил глоток воды из стакана с легкомысленной надписью «Кока-кола». – На самом деле любой человек изначально духовно свободен и его духовная свобода выше любой религии, потому что включает в себя все религии, нерелигиозное мировоззрение и науку...

«И отец почти о том же говорил», – Александра вспомнила себя, пятнадцатилетнюю девчонку, которая пришла домой обиженная и удивленная после того, первого посещения православного храма. Правда, к церкви она ходила и раньше. На Пасху. Потому что повторять «Христос воскрес!» и «Воистину воскрес!», а потом целоваться с мальчиш-

ками-одноклассниками было прикольно. А в тот раз решила, отправилась одна и, робко зайдя в храм, замерла, потрясенная ощущением тайны, скрытой в строгих ликах святых на иконах, магическим обрядом службы и прекрасными, хотя почти совсем непонятными песнопениями. Остановилась неподалеку от входа и замерла, зачарованная прикосновением к чему-то неведомому... А потом злобное шипение и толчок в спину. Из-за того, что на голове нет платка, а вместо юбки брюки...

Придя домой, она спросила отца, верит ли он в Бога?

– Верю, – совсем не удивившись, после некоторого раздумья ответил тот, – хоть и называю его по-другому и различаю слова «религия», «вера» и «церковь». Знаешь, детка, я в партию в 1961 году вступил, когда Юра Гагарин в космос полетел. Тогда его полет стал одним из доказательств в атеистической пропаганде: мол, человек в космосе был, а Бога никакого не видел. Но я о другом тогда подумал. О том, что новая эра началась не только в техническом, но и в духовном смысле. Планета в одночасье стала маленькой. Полет в космос вызвал совершенно новое мироощущение. Многие начали осознавать себя пассажирами одного небольшого корабля под названием Земля, несущимся в бесконечной Вселенной, почувствовали себя частицей космоса и единого духовного пространства.

А потом отец спросил, знает ли она, что такое религия? Она ответила неуверенно, что, наверное, есть много опреде-

лений. Отец же понимающе улыбнулся и сказал, что наиболее распространенным является «массовое поклонение высшим силам», хотя само слово «религия» на древнегреческом имеет значение «связь», и, если взять любой традиционный учебник по духовной культуре или религиоведению, можно понять, что в основе всех религий обязательно должна лежать вера в сверхъестественное. Хотя в буддизме, индуизме, даосизме и конфуцианстве веры в сверхъестественное как основополагающего свойства нет. Правда, если слово «религия» раздробить и попытаться понять его смысл, то «ре» означает «обновление», а «лиг» – это «лига», и в результате получается что-то вроде «объединения на новой основе», но он бы добавил – «духовной» или «идейной». Потом пояснил, что необходимым условием для признания такого объединения религией, очевидно, является разработанная система обрядов, ритуалов, догм и мифов, которые принимаются на веру, и, конечно, наличие организационной иерархической структуры под названием «церковь»... или «партия». Потом добавил, что традиционные религии средиземноморской цивилизации – иудаизм, христианство и ислам – в их нынешнем виде ему не близки потому, что отрицают сомнения. «Не принимаешь на веру – значит, сомневаешься, а сомневаешься – значит, грешник, а если публично высказываешь собственное мнение, отличное от библейского, коранического или талмудического, – значит, еретик. А я с детства сам до всего дойти хотел».

«Дошел?» – спросила она тогда.

«Дошел», – почему-то с грустной улыбкой ответил он.

«И что?» – не унималась она, в подростковой решимости узнать все сразу и до конца.

Отец посмотрел на нее, показалось, чуть насмешливо, но в то же время печально, и сказал, что истина не познаваема. Поэтому процесс ее познания – бесконечен. И в этом счастье для людей с неспящим умом.

«А у меня какой ум?» – немедленно поинтересовалась она.

«У тебя ум непоседливый, на ножках-пружинках, – он засмеялся. – Подпрыгивает все время, чтобы вдаль заглянуть хоть краешком глаза, хоть на секундочку».

Потом она спросила про деда, верил ли тот в Бога? Отец помолчал, попыхивая трубкой, словно сомневаясь, что ответить и как. Сказал, что дед ее, старый большевик, во время войны осуждал тех, которые на переднем крае под обстрелом молились да крестик нательный целовали, и, будто оправдываясь, пояснил, что коммунист обязан быть атеистом, ведь атеизм по сути своей тоже религия, которая требует абсолютного бесстрашия от исповедующих ее людей, гораздо большего, чем от приверженцев традиционных верований. Атеисту нет никакой помощи и надеяться не на кого. Кроме однопартийцев. Но они – снаружи. Внутри же он совсем один. «Меня, кстати, бабушка твоя втихаря крестила, – признался он тогда с чуть смущенной улыбкой. – В храме Архангела

Гавриила неподалеку от Чистопрудного бульвара»...

– У кого же учиться духовному, если священники, по вашему, господин лектор, мнению, дают лишь азы? – вывел ее из размышлений громкий и язвительный голос.

Александра подняла глаза и посмотрела в сторону трибуны. Лектор был невозмутим.

– Повторю известную фразу: «Учитель не тот, кто учит, а тот, у кого учатся». А учатся у мудрецов, которые дают не знания и правила, а ключи к двери в храм, внутри которого путь у каждого свой. Из современников вспомните в этой связи преподобного Иоанна Крестьянкина. Человек же сам выбирает, искать дорогу в храм или не искать, остановиться у входа или получить право войти. Но храм, о котором я говорю, не храм веры, а храм поиска истины... – Лектор помолчал. – К сожалению, «перстных» в России с каждым годом становится все больше... Они не верят ни в Бога, ни в дьявола. Существуют, чтобы потреблять и подражать. Подражать кумирам и потреблять суррогатную культуру. Смысл жизни и критерий успеха – богатство и купленный уровень комфорта. Впрочем, это к нашей теме отношения не имеет, – грустно улыбнулся он.

«Пожалуй, он прав, – подумала Александра. – Американская модель жизни становится нашей. Идеал – гламур и глянец. Нравственно только то, что выгодно. „И пусть весь мир подождет“, – пришла в голову недавно услышанная реклама. – А я сама? Какая я? „Перстная“, „душевная“ или „духов-

ная“? Если присмотреться и не врать самой себе? – Она задумалась. – С одной стороны, мне нравится быть практичной, иногда жесткой, материальной женщиной. Управлять всем вокруг себя, в том числе и мужчинами. Мне нравится обустроенный быт, красивые машины, дорогие гостиницы и рестораны, шикарные, модные вещи. А кому это может не нравиться? Кузя же, похоже, получает удовольствие от возможности делать мне подарки. За любую цену».

«Может, потому ты и не порвала с ним окончательно?» – услышала знакомый голос внутри. «Господи, опять они!» – подумала почти раздраженно и потеряла виски.

Александр иногда казалось, что в ней живут две сущности, внешне антагонистичные, но, по сути, до тошноты любящие друг друга, неразлучные противоположности. Как блондинка и брюнетка. Удобно расположившись у нее на плечах, они переговаривались почти неслышно, как сейчас, а по ночам громко и занудно перемывали ей косточки и безжалостно анализировали поступки. Блондинка взывала к природным инстинктам, требовала удовольствий и дорогих украшений, тащила в рестораны и модные бутики, призывала к чувственности и сексу. Брюнетка, напротив, призывала к разуму, умеренности и воздержанию, больше похожему на аскетизм, поучала и звала к преодолению, науке и книгам. Вместо секса предлагала заняться спортом или, на худой конец, фитнесом. Блондинка же, презрительно скривив пухлые губки, говорила: «Зачем нужны совершенные формы, если

некому их показать?» Блондинка была капризной, но по-своему притягательной женщиной-ребенком. Брюнетка – женщиной-матерью и верной подругой. Уже в институте Александра поставила себе диагноз – расщепление личности на два внутренних «я», которые сосуществуют одновременно и спорят между собой. Явный признак шизофрении. Успокаивало, правда, то, что работоспособность она не потеряла, без труда доводила любое дело до конца, мыслила и говорила настолько логично, что часто ставила собеседников в затруднительное положение, была решительна и не комплексовала, в детстве не мучилась вопросами типа: почему лошади едят сено и почему мясо надо резать ножом? В детстве у нее были другие вопросы. И совсем мало свободного времени. Она с удовольствием училась всему – игре на фортепьяно, пению и рисованию, занималась в секции синхронного плавания, кружке бальных танцев и драмкружке, учила английский и французский, успевая бегать на свидания и дискотеки. Школу и институт закончила экстерном, досрочно защитила кандидатскую и теперь с жадным удовольствием впитывала то, что приносила работа над докторской. Тяга к новому для ее мозгов была почти как тяга к наркотикам, последствия привыкания к которым она не раз наблюдала, хотя сама, кроме «экстази» на выпускной институтской вечеринке, никогда ничего такого не пробовала. И не потому, что боялась общественного порицания. Отсутствие страха перед новым, даже самым необычным она считала непременной составной ча-

стью внутренней свободы. Главное – чтобы мозг смог разложить все по полочкам и согласился принять. Именно поэтому недолюбливала догматиков – то иногда крикливое, чаще молчаливое, но всегда сплоченное племя, отвергающее все, что покушается на устоявшиеся, привычные схемы, модели и иерархии. Но и не осуждала их. Если у людей нет крыльев, разве можно упрекать их за то, что они не умеют летать?

– А вот и я-я-я! – услышала Александра пронзительный голос.

По залу, как волны от булыжника, брошенного в тихую заводь, побежал шумок. Она повернула голову ко входу. По узкому проходу между стульями царственно плыло... неземное существо. Начищенные хромовые сапоги в гармошку – мечта «дембеля» 80-х, длинная юбка с бахромой, словно наспех сшитая из старой бабушкиной скатерти, полупрозрачная белая блузка, под которой полыхал ярко-красный лифчик, призванный гармонировать с алым атласным поясом, туго закрученным вокруг талии, и в довершение старомодная прическа «бабетта», ошетилившаяся острыми шпильками, видимо антеннами, говорили о прибытии представительницы внеземной цивилизации, прикрывшей свою наготу чем бог послал.

– Материализовавшийся фантом межгалактической привлекательности! – негромко выразил свой восторг Сергей и даже привстал с места, чтобы получше разглядеть инопланетянку.

– Сидите-сидите! – неожиданно сменив высокий тембр на низкий, разрешила инопланетянка и, проплыв к первому ряду, остановилась перед благообразной бабулей, представлявшей любознательную общественность из соседнего дома. – Это мое место, – категорично заявила гостья, скрестив руки на груди и покачиваясь с пятки на носок, отчего в полной тишине стало слышно поскрипывание то ли старого паркета, то ли ее новых сапог. – Па-пра-шу, – указала старушке рукой в сторону двери.

Та, негромко охнув и всплеснув руками, безропотно переметнулась в дальний конец зала и опустилась на свободный стул рядом с Сергеем.

– Кто это? – тихо спросила Александра, повернувшись к пострадавшей.

– Ох, спаси господи от нечистой силы! Пришелица это, – запричитала старушка. – Говорит, ее к нам с Марса заслали. Для этой, как ее, «гармонизации» нашего общества.

– Отпадная дискотечная телка! – почти простонал Сережа, с восторгом разглядывая пришелицу. – Такие обычно по утрам на «афтерпарти» после очередной дозы к сабвуфферу ухом припадают и под «хаус» тащатся часами до приезда наркоконтроля.

– А-а, здравствуйте, любезнейшая! – добродушно улыбнулся лектор инопланетянке. – Какими судьбами? Что-то вас давно не было видно.

Та небрежно закинула ногу на ногу.

– Я отсутствовала здесь, потому что была там, – подняла глаза к потолку. – На Венере проблемы были и на Луне. Везде надо было успеть, – небрежно пояснила она.

– А что с Луной? – с самым серьезным видом поинтересовался лектор.

– А-а, – махнула рукой пришелица. – Астероиды поцарапали. Но на орбите я ее все же удержала, – с торжествующим видом оглядела присутствующих, видимо, ожидая массового выражения благодарности. – Правда, на обратном пути по сторонам засмотрелась и на спутник наткнулась телекоммуникационный. Так нет больше спутника, – горестно вздохнула она. – Теперь сбои в мобильной связи неизбежны. У большинства операторов. Уж простите.

В зале кто-то громко хихикнул.

– Досмеетесь скоро! – повернув голову, строго посмотрела в сторону предполагаемого нарушителя тишины. – Ничего хорошего вас не ждет! Грядут природные катаклизмы!

– Сынок, что такое она там про клизмы сказала? – живо поинтересовалась бабулька у Сергея.

– Говорит, что наступает всемирный клизматический период, – пояснил тот, пряча улыбку. – Апокалипсис и Армагеддон.

– О господи, – старушка торопливо перекрестилась.

– Во-первых, скоро замерзнет Средиземное море, – пришелица начала конкретизировать пророчество. – Во-вторых, уйдет под воду Великобритания. Вымрут слоны. В Египте у

сфинкса голова приставленная отвалится, – завершила перечисление списка вселенских бед и несчастий.

– Гм... приставленная, говорите? – лектор поправил очки. – Конечно, нынешняя голова по виду чистый новодел, – скрывая улыбку, прикрыл ладонью нижнюю часть лица.

– Только ленивый может не увидеть, – продолжила проризательница, – голова непропорционально мала относительно тела. Раньше там другая голова была. Настоящая. Анубиса. Дураку ведь видно – сфинкс не лев, а собака. У льва не бывает прямой спины. Анубис и охранял Гизу. Уши у него как антенны были. Мы могли через него информацию получать. А потом, когда голова отвалилась, канал связи прервался, пришлось мне на Землю перебираться. Вот и торчу теперь в основном здесь, – сказала обреченным тоном благодетельницы поневоле.

– А-а, понятно. Разрешите продолжить? – вежливо поинтересовался лектор.

– Валяйте. Я у вас тут немного посижу, поконтролирую и дальше полечу, – она опустила голову на грудь и сразу отключилась, будто нажала потайную кнопку.

– Так вот, египетские жрецы, – лектор вдруг закашлялся и сделал глоток воды, – владели тремя способами выражать свои мысли.

«Господи, кажется я много чего пропустила», – подумала Александра.

– Первый способ – ясный и простой, второй – символиче-

ский и образный, третий – священный и скрытый. То есть вы понимаете, что одно и то же слово принимало по их желанию обычный или трансцендентный смысл. Я говорю это не для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, насколько велик был гений их языка, который еще Гераклит определял как «говорящий, обозначающий и скрывающий», я хочу, чтобы вы поняли, что древние тексты, в том числе и тексты той же Библии, дошли до нас далеко не в своем первоначальном виде. Сегодня мы имеем дело с результатами переводов текста на финикийский, греческий, латинский и прочие языки. На том же коптском языке полные тексты – большая редкость. В рукописях, найденных в Наг-Хаммади, большие пробелы. Так вот, переводы в ряде случаев доносят до нас не только в значительной мере искаженный, но, – сделал многозначительную паузу, – лишь низкий, первый смысл, ибо совершенно очевидно, что переводчики, вероятно, имели весьма отдаленное представление об эзотерическом, скрытом содержании переводимых текстов. Впрочем, последние исследования ученых показывают, что в ряде случаев затуманен даже первый прямой уровень передачи смысла. А вольные или невольные ошибки в переводе заставляли следующие поколения искать толкования «темных мест», искать скрытое даже там, где его нет. По мнению одного ученого, нашего, между прочим, современника, считающего, что существуют два системных языка мозга – русский и арабский, все эти «темные места» могут быть легко расшифрованы.

– Может, пример приведете? – раздался возглас из зала.

– Непременно! – улыбнулся лектор и полистал тетрадь с записями. – Вот, из книги этого ученого. Вспомните, Христос говорит в Нагорной проповеди: «Блаженны кротцыи – яко тии наследят землю». Да простят меня верующие, но переводчики или ошибаются, или... – Он неопределенно развел руками. – Это выясняется, стоит только написать корневую часть русского слова «кротцыи» по-арабски. Получим арабское слово со значением «пахари». И обратите внимание на то, как туманная фраза сразу приобретает ясный смысл: «Блаженны пахари – им будет дарована земля», то есть землю тем, кто ее обрабатывает! Революционная идея Христа! Лозунг, призывающий к социальной справедливости. Естественно, идея была выхолощена. Кто бы из богатых во времена Христа, да и в наши времена, согласился с перераспределением собственности! А вот еще: «Блаженны нищие духом, их есть Царствие Небесное». Согласитесь, не вполне понятная фраза из той же Нагорной проповеди. Стоит, однако, неясное слово «нищие» написать по-арабски, как, с учетом доказанной современными филологами возможностью перехода букв, нищие превращаются в «подвижников», «набожных людей», «верующих», а вся фраза сразу приобретает ясный смысл. Многие люди это осознают, хотя боятся признаться даже самим себе. Кстати, если кто-либо из вас захочет этот вопрос изучить поглубже, подойдите ко мне после лекции – я продиктую названия книг. А имя ученого назо-

ву с удовольствием прямо сейчас. Это Николай Николаевич Вашкевич. Наш современник.

– Послушать вас, так выйдет, что вы, ученые, умнее святых апостолов, которые Евангелия писали! – послышался раздраженный голос.

– Приведу еще собственный пример, – лектор провел ладонью по лбу. – Без сомнения, вы помните главную молитву христиан – «Отче наш». Просят верующие Отца своего: «Не введи нас в искушение, но избави нас от лукавого».

– И что?

– Да разве ж Отец небесный, светлый и искренний, может искушать? Его ли это дело – искушать?

По залу прокатился шум.

– А ответ на самом деле прост, – продолжил лектор. – Соотнесение согласных «ВД» дает нам слово «ведать»! И сразу молитва приобретает ясный смысл: «Ведай нас в искушении, но избави нас от лукавого».

– Жидомасоны проклятые! – вдруг завопила, вскочив с места и истово крестясь, женщина в черном глухом платке. – Нехристи окаянные! Сектанты! Веру святую за тридцать сребреников американских продали! Святой крест, кровью Христовой политый, испоганили! Еретики! Нет на вас святой инквизиции! Будет еще вам... пятница, тринадцатое! – неожиданно продемонстрировала знание истории о расправе над тамплиерами. Видно, не первый раз была в клубе. – Нехристей-коммуняк пережили и вас изживем! – бормотала

она, покидая зал.

– Нетерпимость – неизбежное следствие дуалистического видения мира, – сочувственно улыбнулся лектор. – И причина многих конфликтов и войн.

«Инопланетянка» вдруг вскинула голову, но, посмотрев на лектора мутными глазами, снова отключилась. Лектор облегченно выдохнул и продолжил:

– Все эти нестыковки и «темные места» мы, конечно, сами можем понять при помощи интуиции, которая, я бы сказал, есть не что иное, как мост между духом и разумом. Именно интуиция в большинстве случаев дает нам сигнал – «здесь что-то не так!». Возьмем те же мифы. Что представляли собой передача и толкование мифов в античном мире? – спросил он и оглядел аудиторию. – Не только искусство, причем высокое искусство, но и священная наука, в которую были опять-таки посвящены избранные. Древние говорили: «В мифе явлены действия богов». В эпоху античности миф – это повествование, призванное воспитывать, сохранять суть культуры, тайное знание и передавать его из поколения в поколение. Трудно себе даже представить, сколько тайных знаний хранят мифы древности, в том числе и египетские. А что же для сегодняшних обывателей древний миф? Не более чем сказка. Словом «миф» все чаще называется неправда. Но к мифам нельзя подходить со снисхождением современной учености, которая на поверку оказывается высокомерием невежды, который, освоив мобильник и пульт от телеви-

зора, считает себя венцом божественного творения и пренебрежительно называет язычеством древние этнические и духовные культы, не понимая даже значения слово «язычество».

– И что же такое язычество, по-вашему? – послышался недовольный голос.

– По-нашему, – лектор улыбнулся, – язычество есть не что иное, как традиционная народная вера, в которой нет места лукавству власти и выгоды. Напомню, что князь Голицын обещал управлять Священным Синодом «по-язычески добросовестно»! Что он имел в виду, как вы думаете? Может, оговорился? Истинного значения слова не знал?

Дождавшись, пока утихнет шум в зале, лектор продолжил:

– Вы прекрасно понимаете, я надеюсь, понимаете, что, когда представители ранней христианской церкви при поддержке государства христианизировали так называемых язычников, люди, посвященные в древние духовные учения, старались наполнить новую религию своими символами и смыслами, чтобы в завуалированном виде сбереечь хранимые веками бесценные истины. К примеру, вспомните наименее понятное произведение христианских гностиков под названием «Апокалипсис», написанное Иоанном Богословом явно под влиянием египетского и греческого мистицизма. Можно смело утверждать, что автор его был не только человеком безусловно посвященным в таинства тех же Элевсинских или Фригийских мистерий, но и ставил своей

целью примирение расхождений между ранними христианскими писателями и дохристианскими религиозными философами. Если помните, в двенадцатой главе Апокалипсиса описывается великое чудо: на небе появляется женщина, облеченная в солнце, и под ногами ее луна. Кто это, если не великая египетская богиня Исида, образ которой, в конечном счете, трансформировался в Деву Марию? Обе носили имя Царицы Небесной, обеих изображали стоящими на полумесяце или на фоне звезд. Наиболее показательна в этом смысле икона Остробрамской Божьей Матери.

– Ой, у меня такая дома есть, – радостно сказала старушка Александре. – Внучка из Киева привезла. Красивая-я!

– Точно красивая? – поинтересовался Сергей.

Старушка кивнула, расплывшись в улыбке.

– Познакомьте, а? – оживился Сергей.

– Я об иконе говорила, молодой человек, – строго сказала старушка.

– Извините, не так понял, – изобразил он смущение.

– Вечно вы, молодежь, все не так понимаете, – ворчливым голосом обобщила старушка.

– Скажу больше, – продолжил лектор, – крест, опирающийся на полумесяц, отнюдь не символ победы христианства над исламом, а не что иное, как знак Исиды. Кстати, замечу, что лично у меня создалось впечатление, будто в последние годы христиан активно сталкивают с исламом, и прежде всего в политической сфере. Ислам преподносится

религией вчерашнего дня, доведенной до совершенного фанатизма, в то время как в исламских священных книгах можно найти тончайшие мысли мировой философии. Вспомните в этой связи суфийские школы. Но таковы последствия религиозной нетерпимости: о своем всегда говорить только хорошее, а о чужом только плохое и самое примитивное.

– Ну, вы сказали! – возмутилась похожая на учительницу женщина в очках с гладко зачесанными назад жидкими волосами, убранными в маленький пучок. – Мусульмане принижают женщин! Говорят, что Коран вообще отрицает у женщин наличие души и приравнивает их к животным! Они же женщин ни во что не ставят, только в накидках разрешают по улицам ходить, в отдельных вагонах в метро ездить...

– А вы больше слушайте, что говорят! – повернулась к ней молодая женщина в джинсовом костюме. – Коран, насколько мне известно, устанавливает как раз полное равенство с мужчиной, а то, что для мусульманок есть отдельные, женские вагоны в метро, не означает, что женщины, сопровождаемые мужем или каким-то еще мужчиной, не могут ехать в общем вагоне! Вот мне, например, в Москве было бы утром в час пик приятнее на работу ехать именно в «женском» вагоне, где я не буду вынуждена протискиваться между незнакомыми мужиками, от которых то ли потом несет, то ли перегаром и которые, бывает, не знают, куда свободные руки пристроить! И, кстати, еще насчет притеснения. Я была в прошлом году у своего друга в Каире, и надо было нам деньги поме-

нять. Друг мне дает деньги – иди, мол, поменяй сама, потому что там большая очередь. У меня глаза на лоб – ничего себе, гостеприимство! И что же оказалось? У них женщины без очереди подходят! И спрашивать ничего не надо, мол, пустите меня ради бога. Женщины – вне очереди! Подходи и меняй. А мужики – потом. Просто кошмарное притеснение! А у нас в христианстве что? Женщин в Новый Афон, пристанище Богородицы, не пускают! Священниками женщины быть не могут! Кто мне объяснит, почему и по какому праву?

Присутствующие оживились. Лектор, бросив обеспокоенный взгляд на спящую «пришлицу», негромко постучал ручкой по стакану.

– Внимание! Я понимаю, что вы уже устали, но потерпите немного, я уже заканчиваю. Обращу ваше внимание на одну примечательную деталь. На христианских иконах имя Иисуса Христа пишется сокращенно: в левом верхнем углу – «ИС», в правом – «ХС». А теперь замечу, между строк, – улыбнулся он, – что древнееврейское слово «*ISI*» означает «спасение», имя Иисус на арабском звучит как Иса, а если заглянуть дальше вглубь веков, выяснится, что имя великой древнеегипетской богини Исиды, которое в современном арабском произносится как Изис, звучало как Исис, причем во втором варианте, окончание «ис» появилось из греческого. Вспомните в этой связи: Артемида – Артемис, Семирамида – Семирамис. Но если греческое окончание убрать, получится... – Он не закончил фразу и с улыб-

кой оглядел аудиторию. – Скажу больше, сына Исис звали Хор или Хорус в греческом варианте... Впрочем, выводы делайте сами. Возможно, в имени Спасителя тоже есть тайна? Может быть, в его имени изначально объединено мужское и женское начала, что было вполне обычным для тех же гностиков? Причем имя Богини стоит первым! Вспомню опять же рукописи, найденные в Наг-Хаммади, в которых говорится о мужедеве по имени Иуиль. Кстати, замечу, что старообрядцы имя Спасителя до сих пор в соответствии с древней традицией пишут с одной буквой «И»...

По залу снова пробежал легкий шум.

– Не дают покоя лавры Дэна Брауна? – язвительно заметила «учительница».

Лектор будто ожидал этого вопроса.

– Разбор «творчества» Брауна – предмет отдельного разговора. Замечу только, что такие, как он, как уже известный вам с сегодняшнего дня Николай Вашкевич, да тот же Фоменко, могут, конечно, в чем-то ошибаться и заблуждаться. Но главная их заслуга в том, что они пробуждают любознательность и подталкивают людей, не ленивых умом, к размышлениям и живому обсуждению того, что столетиями считалось запретным и незыблемым. Указывают на явные нестыковки и противоречия. Они всколыхнули интерес людей к познанию, к собственному прошлому и, уверен, кому-то помогли стать «духовными», а кого-то спасли от превращения в «перстных». Так-то вот, – он с улыбкой оглядел

зал. – Ну, хватит с вас на сегодня. Спасибо за внимание. Отвечу на ваши вопросы и – до встречи через месяц. И так... – Он оглядел зал.

Большинство слушателей, не сходя с мест, тихо переговаривались, обмениваясь впечатлениями.

– А я, вот как бы по-женски, по-простому, хочу поделиться... – радостно объявила собравшимся дородная особа неопределенного возраста, с короткой стрижкой, в небольших очках в черной оправе, подбородок которой странным образом, минуя шею, переходил в грудь, что делало ее похожей на откормленную лоснящуюся свинку, – ...впечатлениями от своей поездки в Египет, да. И показать фотки, – извлекла из пестрой сумки пачку фотографий. – Я вообще-то в Хургаду ездила отдыхать, да, но мне Светик, это моя подруга, говорит: «Ань, слышь, на пирамиды съезди, недорого, но прико-о-ольно! Там, – говорит, – так колбасит от энергетики, отпад! А ты, – говорит, – женщина продвинутая, интересующаяся, тебе это надо».

Присутствующие оживились.

– Да вы сами гляньте! – пустила по рядам одну из фотографий. – Вот это я, как бы перед входом в пирамиду. Видите, как бы грустная, без сил совсем, да? А это, вот, смотрите, – передала другую и замолчала, давая возможность всем посмотреть и насладиться, – после нее. Видите, какая я счастливая, да? Руки вверх вскинула и как бы кричу от счастья!

Александра, которой по очереди была передана фотогра-

фия, пригляделась. На фотографии с искаженным в крике лицом стояла «свинка» на фоне пирамиды. Из-под задравшейся короткой майки на модные джинсы с заниженной талией явственно нависала жировая складка.

«Руки, пожалуй, она зря подняла, – язвительно подумала Александра и загрустила при мысли о том, что ей самой из-за несчастных двух килограммов еще неделю сидеть на изнурительной сырной диете. – Может, на японскую перейти или на Монтиньяка?»

– И еще одно чудо, – «свинка» поправила нелепую цветастую шаль на плечах, – в пирамиде было как бы жарко, я вся была потная. Прикиньте, девчонки! – оглядела женщин. – То есть пот по телу просто тек. Вонючий такой, да...

Александра поморщилась.

– А когда вышла из пирамиды, майка как бы не пахла. Даже как бы благоухала, да! Своему... – пошарила глазами по залу, но, видимо, не нашла то, что искала, – спутнику, Володьке, он, видно, покурить вышел, – пояснила она, – дала понюхать...

Юрист Сережа смешно изобразил позывы к рвоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.